Смерть миссис Вестуэй

Автор:
Рут Уэйр

Смерть миссис Вестуэй

Рут Уэйр

Психологический триллер (АСТ)

Юная Хэл Вестуэй едва сводит концы с концами, а потому письмо с сообщением, что умершая бабушка оставила ей огромное наследство – деньги и имение в Корнуолле, – кажется подарком судьбы.

Правда, никакой бабушки из Корнуолла у Хэл никогда не было… Но ее это мало волнует: наследство – единственная надежда начать новую жизнь, и Хэл готова на все, чтобы его получить. Даже выдать себя за другого человека.

Однако Хэл не подозревает, что сделала очень опасный выбор. Ведь за закрытыми дверями старинного мрачного дома, хранящего множество тайн, ее подстерегает смертельная опасность…

Рут Уэйр

Смерть миссис Вестуэй

Ruth Ware

THE DEATH OF MRS WESTAWAY

First published as THE DEATH OF MRS WESTAWAY by Harvill Secker, an imprint of Vintage. Vintage is part of the Penguin Random House group of companies.

Перевод с английского Е. Шукшиной

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения Penguin Random House group of companies и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Серия «Психологический триллер»

© Ruth Ware, 2018

© Перевод. Е. Шукшина, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Издательство благодарит Элисон Борроумен за помощь при подготовке книги к изданию.

Маме. Всегда

Читателям:

Действие романа «Смерть миссис Вестуэй» происходит в современном Брайтоне, однако знакомый с городом читатель заметит несоответствие. Здесь еще стоит Западный пирс. Надеюсь, брайтонцы порадуются возрождению излюбленной городской приметы, пусть лишь вымышленному.

Прилетела к нам сорока.

Значит, будем танцевать.

Две сороки прилетели —

Будем горе горевать.

Если три, родится мальчик.

А четыре – будет дочь.

Пять сорок – уснешь голодным.

Шесть – получишь медный грош.

Ну а семь – узнаешь тайну,

Что несли из рода в род.

29 ноября 1994 года

Опять сороки. Странно, как же я их ненавидела, когда попала сюда. Помню, ехала с вокзала на такси и увидела с аллеи: выстроились рядком в парке, вот как сейчас, и знай себе чистили перышки.

Сегодня две уселись на покрытую бахромой инея ветку тиса, и я вспомнила, как в детстве мама, чтобы не накликать беду, тихонько шептала в таких случаях: Добрый день, сударыни.

Одеваясь у окна, я считала сорок. Две – плохо, дурное предзнаменование, я содрогнулась. Но нет, на обледеневшем газоне еще. Четыре, пять… шесть… и еще одна прыгает по плитам террасы, склевывая лед, намерзший на столе и стульях. Значит, семь.

Ну а семь – узнаешь тайну,

Что несли из рода в род.

Тайна-то тайна, но несли из рода в род – вряд ли. Придется открыться, и довольно скоро. Выбора нет.

Я почти оделась, когда в кустах рододендрона послышался шорох листьев. Какое-то время трудно было понять, что это, но затем в проломе ветвей появилась лисица. Она неторопливо пересекла усыпанный опавшими листьями газон, и рыжее золото пугающе ярко загорелось на фоне оцепеневших от мороза зимних красок.

В родительском доме лисы на дворе были обычным явлением, но они редко выходили днем, тем более так нагло, как эта: рассекает по просторному газону прямо перед домом. Мне приходилось видеть разодранных кроликов, раскуроченные мешки с мусором, оставшиеся после лисьей охоты, но подобного хамства я еще не встречала. Наверно, она либо очень смелая, либо в безвыходном положении, коли на глазах у всех шарашит по газону. Присмотревшись к лисице, я решила, что скорее второе: совсем молодая и страшно тощая.

Сначала сороки ее не заметили, но потом та, что прыгала по террасе и, по-видимому, была внимательнее остальных, увидела подкрадывающегося хищника и ракетой взмыла с обледеневшей террасы, громко, отчетливо просигналив тревогу, нарушившую утреннюю тишину. Теперь у лисицы не было ни единого шанса. Остальные птицы по очереди взлетели в воздух, кроме двух на ветке тиса – на безопасном расстоянии от лисы, и та струей расплавленного золота, пригнувшись к земле, рванула по газону обратно, оставив в покое этих двух сорок, которые принялись громко стрекотать, отмечая свою победу.

Две.

Две сороки прилетели —

Будем горе горевать.

Не будет этого. Я ни за что, никогда не буду опять горевать никакое горе, несмотря ни на что, несмотря на бурю, которая, знаю, приближается. Сейчас сижу в гостиной, пишу эти строки и слышу ее – свою тайну: она опаляет меня изнутри такой пылкой радостью, что кажется, иногда должно просвечивать сквозь кожу.

Я перепишу стишок. Две сороки – к радости. К любви. К будущему.

Глава 1

Девушка не столько шла, сколько сопротивлялась ветру, крепко зажав в руке промокший пакет с фиш-энд-чипс, хотя шквальный ветер вырывал его, пытаясь разодрать и разметать содержимое по морскому берегу к вящей радости чаек.

Переходя через дорогу, девушка стиснула в кармане мятую записку и обернулась на длинный темный тротуар – нет ли кого позади. Но никого не было. Во всяком случае, ничего такого, никаких призрачных фигур она не увидела.

Берег редко бывал столь пустынным. Из открытых чуть не всю ночь баров и клубов на приморскую гальку до самого рассвета сыпались местные и приезжие гуляки. Но в этот промозглый вторник даже самые закаленные не решились выйти на улицу, и сейчас, без пяти десять, набережная была в полном распоряжении Хэл. Единственным признаком жизни на пирсе служили мерцающие огни, если не считать чаек, которые с криком кружились над темными, беспокойными водами Ла-Манша.

Коротко стриженные черные волосы налипли на лоб, очки запотели, а губы потрескались от соли, на которую богат морской ветер. Но Хэл лишь покрепче зажала пакет под мышкой и свернула с набережной на узкую улицу с высокими белыми домами, где ветер вдруг так внезапно прекратился, что она пошатнулась и чуть не споткнулась. Когда она еще раз повернула к Живописным виллам, дождь, казалось, зарядил даже еще сильнее, хоть ветра больше не было.

Название квартала сильно грешило против правды. Не было тут никаких вилл, лишь обычные, довольно запущенные дома с облупленной от вечно соленого воздуха краской. И живописного ничего – ни тебе вида на море, вообще ни на что. Может, когда-то, когда дома только поставили, отсюда и было видно море. Но с тех пор ближе к морю выросли дома повыше, и какой бы вид ни открывался раньше из окон Живописных вилл, теперь их жильцам приходилось довольствоваться зрелищем кирпичных стен и шиферных крыш, даже Хэл в ее мансардной квартире. Единственное преимущество жизни на самом верху четырехэтажного дома с узкой, шаткой лестницей заключалось в том, что над головой не топали соседи.

Хотя сегодня, похоже, даже соседей не было, причем уже довольно давно, если судить по тому, что из-за завалов рекламных проспектов, скопившихся на полу в подъезде, дверь отказывалась открываться. Пришлось навалиться на нее, наконец та подалась, и Хэл, нырнув из мрака улицы в темноту подъезда, принялась шарить выключатель. Щелчок не дал желаемого результата. То ли предохранитель полетел, то ли лампочка перегорела.

В тусклом, просачивающемся с улицы свете она выбрала из вороха бумаг корреспонденцию, адресованную ей, и начала карабкаться наверх.

На лестнице не было ни одного окна, и после первого же марша стало темно хоть глаз выколи. Но Хэл знала свою лестницу наизусть – от проломленной доски на площадке до отошедшего коврового покрытия на самом верху – и устало поднималась, мечтая лишь об ужине и постели. Хотя есть уже не очень хотелось. Однако фиш-энд-чипс стоили пять с половиной фунтов, а судя по количеству счетов, которые она отобрала из груды почты, это были те самые пять с половиной фунтов, которые она не могла позволить себе отправить в мусорное ведро.

Наверху она вжала голову в плечи, пытаясь уберечь голую шею от капель, падавших с потолочного окна, открыла дверь и наконец очутилась дома.

Квартирка была маленькая – одна-единственная комната за просторной прихожей, служившей и кухней, и гостиной, и всем прочим. Она тоже была довольно запущена, краска так же отслаивалась, ковер протерся, а деревянные окна, когда ветер дул с моря, кряхтели и дребезжали. Но это был ее дом, всю ее двадцатиоднолетнюю жизнь, и как бы она ни устала, ни продрогла, когда переступала порог, сердце всякий раз подпрыгивало – слегка.

В дверях Хэл остановилась, чтобы протереть о коленку, обтянутую потрепанными джинсами, очки с налипшими солеными брызгами, и кинула пакет с едой на кофейный столик.

Было очень холодно. Дрожа, она опустилась на колени перед газовым обогревателем и стала щелкать кнопкой, пока наконец не зажегся огонь. Мало-помалу тепло вернулось в огрубевшие, покрасневшие руки, и Хэл развернула мокрый от дождя бумажный пакет, вдохнув резкий запах уксуса, наполнивший небольшое помещение.

Подцепив деревянной вилкой обмяклый брусочек теплой картошки, она принялась сортировать почту. В одну стопку шла макулатура, в другую – счета. Картошка была соленой, пряной, обтрепавшаяся рыба еще горячей, но по мере того как росла стопка счетов, в животе усиливалось неприятное ощущение. Ее беспокоила не столько высота стопки, сколько количество счетов, помеченных отметкой Последнее предупреждение, и, почувствовав тошноту, она отодвинула рыбу.

Нужно платить за квартиру – естественно. Электричество тоже на одном из первых мест. Без холодильника и освещения квартира для жилья непригодна. Газ… Ладно, сейчас ноябрь. Без отопления не очень уютно, но выжить можно.

Однако послание, от которого ее в самом деле чуть не стошнило, отличалось от коммунальных счетов. На дешевом конверте, судя по всему, брошенном прямо в почтовый ящик, шариковой ручкой было написано лишь: Хэрриет Вестуэй, верхняя квартира.

Адреса отправителя не было, но он и не требовался. У нее появилась ужасная догадка, от кого письмо.

Хэл проглотила картошку, которая едва не застряла в горле, и сунула самый неприятный конверт под стопку счетов, поддавшись непреодолимому желанию спрятать голову в песок. Больше всего ей хотелось сейчас перевалить проблемы на кого-нибудь, кто старше, мудрее, сильнее.

Таких людей у нее не было. Не осталось. Однако и в самой Хэл таились скрытая сила и упорство. Может, она и маленькая, тощая и бледная и такая еще молодая

– но далеко не ребенок, за которого ее по привычке принимают. Она повзрослела три года назад.

И эта сила заставила ее опять вытащить конверт и, кусая губы, вскрыть его.

Внутри обнаружился всего один лист бумаги, на котором было напечатано несколько фраз:

Жаль, что не застали Вас дома. Мы хотели обсудить Ваше финансовое положение. Позвоним.

В животе у Хэл екнуло, и она нашарила в кармане бумажку, которую нашла у себя на работе после обеда. Письма были идентичны, не считая помятостей и пятен от чая, которые она посадила на первое письмо, когда открыла.

Содержание их не было для Хэл новостью. Уже несколько месяцев она старалась без особой нужды не подходить к телефону и не отвечала на СМС, связанные с ее финансовым положением.

Трясущимися руками она аккуратно положила письма друг подле друга на кофейный столик, содрогаясь при мысли о том, что они означают.

Хэл привыкла читать между строк, догадываясь о важности того, о чем люди не говорили, впрочем, и того, о чем они говорили. В некотором роде это была ее работа. Но о смысле не сказанных здесь слов гадать не приходилось.

Ей говорили: Мы знаем, где ты работаешь. Мы знаем, где ты живешь. И мы еще придем.

Остальное отправлялось в макулатуру, и Хэл затолкала бумаги в корзину. Устало опустившись на диван, она закрыла лицо руками, стараясь не думать о печальном состоянии банковского счета. Она слышала голос мамы. Та будто стояла у нее за спиной и читала нотацию про подготовку к экзаменам на получение аттестата. Хэл, я понимаю, что у тебя куча дел, но тебе нужно поесть! Ты такая худая!

Я знаю, мысленно отвечала она. У нее так всегда: когда она нервничала или переживала, аппетит исчезал в первую очередь. Но она не имеет права болеть. Не сможет работать – не будут платить. Не могла Хэл себе позволить и выбросить еду, даже если та намокла и остыла.

Стараясь не обращать внимания на боль в горле, Хэл заставила себя зацепить еще один брусочек картошки. Но, не донеся его до рта, заметила кое-что в корзине для бумаг. Кое-что, чего не должно там быть. Письмо – плотный белый конверт, адрес написан от руки – угодило в корзину вместе с рекламой доставки еды на дом.

Хэл положила картошку в рот, облизала соль с пальцев и нагнулась к корзине за письмом. На конверте было написано: Мисс Хэрриет Вестуэй, кв. 3с, Живописные виллы, Брайтон. Адрес чуть запачкан жиром с пальцев.

Должно быть, она сунула его туда по ошибке, вместе с пустыми конвертами. Ну, по крайней мере, это не очередной счет. Послание скорее смахивало на свадебное приглашение, что было маловероятно. Хэл не могла вспомнить никого, кто собирался жениться.

Она просунула большой палец в щель под клапаном и вскрыла конверт.

Вынутый ею лист бумаги приглашением не являлся. Это было письмо, написанное на плотной, дорогой бумаге, с шапкой адвокатской конторы наверху. Живот у Хэл свело спазмом, перед ней пронеслась вереница устрашающих вариантов развития событий. Может, кто-то подал на нее в суд за то, что она наговорила во время сеанса гадания? Или – о Боже! – это связано с квартирой? Мистеру Хану перевалило за семьдесят, и он, одну за одной, продал почти все квартиры в доме. Домовладелец пока не продавал квартиру Хэл главным образом из жалости к ней и привязанности к ее маме – Хэл была в этом уверена. Но такое подвешенное состояние не могло длиться вечно. В один прекрасный день хозяину понадобятся деньги на дом престарелых, или его одолеет диабет, и детям придется ее продать. И не важно, что здесь от сырости отходят обои, что выбивает пробки, если включаешь фен одновременно с тостером. Это единственный дом, который она знала. И если мистер Хан ее вышвырнет, шансы найти другое пристанище по той же цене не просто призрачны, они равны нулю.

Или это связано с… Да нет, невозможно. Тот человек никак не мог обратиться к адвокату.

Однако адвокатская контора, откуда пришло письмо, находилась не в Брайтоне, и Хэл вздохнула с огромным облегчением. Адресом значился Пензанс, что в Корнуолле.

Значит, дело не в квартире – слава богу. И ничтожно мала вероятность того, что это недовольный клиент, – Пензанс слишком далеко. На самом деле она вообще никого не знала в этом Пензансе. Отправив в рот еще кусок картошки, Хэл разложила письмо на кофейном столике, поправила на носу очки и принялась читать.

Дорогая мисс Вестуэй!

Пишу Вам по поручению моей клиентки, Вашей бабушки, миссис Эстер Мэри Вестуэй, проживавшей в имении Трепассен, что в Сент-Пиране.

Миссис Вестуэй скончалась 22 ноября у себя дома. Полагаю, эта новость явится для Вас ударом; пожалуйста, примите мои искренние соболезнования.

Мой долг адвоката и душеприказчика миссис Вестуэй – снестись с ее наследниками по завещанию. Вследствие значительности состояния необходимо будет официально подать ходатайство об утверждении завещания и оценить завещанное состояние с целью определения пошлин на наследство. Получить свою долю наследники смогут не раньше, чем это будет сделано. Однако если Вы уже сейчас сможете предоставить мне копии двух документов, устанавливающих Вашу личность и адрес (список необходимых документов, удостоверяющих личность, прилагается), я получу возможность приступить к проверке документов.

В соответствии с пожеланием Вашей покойной бабушки мне также поручено информировать наследников о ее погребении. Оно состоится 1 декабря в церкви Св. Пирана в Сент-Пиране в 16.00. Поскольку возможности размещения в городе весьма ограниченны, члены семьи приглашены в имение Трепассен, где состоятся поминки.

Если Вы намерены воспользоваться этим предложением, пожалуйста, напишите экономке Вашей покойной бабушки миссис Аде Уоррен, она позаботится о комнате для Вас.

Еще раз прошу Вас принять мои соболезнования и уверения в моем внимательнейшем отношении к делу.

Преданный Вам,

Роберт Тресвик.

«Тресвик, Нант и Дин», Пензанс

Картошка упала на колени, но Хэл не двинулась. Просто сидела, снова и снова перечитывая письмо, снова и снова возвращаясь к списку необходимых документов, удостоверяющих личность, как будто он мог что-то объяснить.

Значительность состояния… наследники по завещанию… В животе у Хэл заурчало, она подобрала картошину и съела ее, почти не заметив этого, пытаясь найти какой-то смысл в словах, что были написаны на лежавшем перед ней листе бумаги.

Поскольку смысла в них не было. Ни малейшего. Дедушка и бабушка Хэл умерли более двадцати лет назад.

Глава 2

Она не знала, как долго просидела над письмом, переводя взгляд со сложенного листа белой бумаги на страницу поисковика в телефоне. Но когда подняла голову, часы, вмонтированные в микроволновку, показывали без пяти двенадцать, и она потянулась, с резким беспокойством осознав, что газ был включен все это время. Хэл встала и выключила обогреватель, прислушиваясь к щелчкам внутри остывающего прибора, и мысленно прибавила еще пятьдесят пенсов к уже лежавшему рядом счету за газ. И тут взгляд ее упал на фотографию на каминной полке.

Фотография стояла там лет десять по меньшей мере, но теперь, взяв в руки, она посмотрела на нее словно другими глазами. На снимке были изображены девочка лет девяти-десяти и женщина на брайтонском пляже. Держась за руки, они смеялись, подняв головы навстречу порывистому ветру, одинаково забавно взметнувшему их длинные темные волосы. Фотография дышала такой свободой, такой близостью двух людей, что сердце у Хэл стиснуло от боли, к которой она почти привыкла за последние три года.

Девочка – это сама Хэл. И все-таки другая Хэл, не девочка с фотографии стояла сейчас перед камином с коротко, под мальчика, подстриженными волосами, пирсингом в ушах и татуировкой на спине, чуть выглядывающей из-под выреза поношенной футболки.

Девочке на фотографии не нужно было делать пометки для памяти на коже – все, что она хотела помнить, находилось совсем рядом. Та девочка не носила черное – у нее не имелось причин для траура. Возвращаясь домой, она не опускала голову, не поднимала воротник, поскольку ей не от кого было прятаться. Ее окружало тепло, сытость, а прежде всего – любовь.

Еда совсем остыла, Хэл завернула ее в бумагу и затолкала в мусорное ведро, что стояло в углу комнаты. Во рту пересохло от соли, горло болело, и вдруг показалась уютной мысль о кружке горячего чая перед сном. Она сделает чай, оставшимся кипятком наполнит грелку, тогда простыни будут не такими холодными, и это поможет заснуть.

Чайник зашумел, и Хэл пошарила в шкафчике, висевшем над раковиной, в поисках коробки с чайными пакетиками. Но рука наткнулась на другое – словно она действительно искала другое. Не на легкую картонную коробку, а на стеклянную бутылку, наполовину пустую. Хэл не нужно было снимать ее, чтобы понять, что это такое, но тем не менее она достала бутылку и прикинула вес на руке – за стеклом заплескалась маслянистая жидкость. Водка. Она теперь редко пила, ей не нравилась женщина, которой она стала, – со стаканом в руке; но потом ее взгляд упал на письма, что лежали на кофейном столике, и она быстрым движением открутила крышку и щедро плеснула водки в чашку, предназначавшуюся для чая.

Когда закипел чайник, она поднесла чашку ко рту, вдохнув едкий, слегка бензиновый запах, глядя, как в тусклом свете, падающем от уличного фонаря, колышется натянутая поверхность жидкости. На мгновение вдруг возникло

предстоящее ощущение – огненное жжение, а потом легкий гул в ушах. Но затем что-то ее остановило, и, вылив водку в раковину, она сполоснула чашку и заварила в ней чай.

Идя с чашкой в спальню, Хэл с некоторым беспокойством поняла, что забыла про грелку. Ладно, не важно. Она слишком устала, чтобы еще возиться, а чай горячий, такой замечательный. Хэл не раздеваясь свернулась в постели, отхлебнула чаю и уставилась в яркий экран телефона.

На нем была найденная в «Гугл-картинках» раскрашенная открытка, наверно, 1930-х годов, с изображением сельской усадьбы. Длинный фасад светлого дома с георгианскими окнами увит плющом. На шиферной крыше больше десятка каминных труб, все разные. Сзади дом продолжался пристройкой – вроде бы из красного кирпича и в другом стиле. Перед домом раскинулся пологий газон. Поперек открытки тянулась надпись: Перед поездкой в Пензанс мы чудно пили чай в имении Трепассен.

Значит, это и есть имение Трепассен. То самое. Не скромный коттеджик, не часть викторианского таунхауса с претенциозным названием, а настоящая загородная усадьба.

Да с долей, пусть и небольшой, такого наследства можно не только оплатить все счета, можно куда больше. Можно вернуть уверенность, которую Хэл потеряла после смерти мамы. Даже пятьсот фунтов дадут ей передышку, в которой она так нуждалась уже много месяцев.

Часы в верхней части экрана показывали половину первого, Хэл понимала, что надо спать, но не закрывала телефон. Наоборот, она села в кровати – от пара, поднимающегося от чашки с чаем, запотели очки – и продолжила поиск в Интернете, гуляя по страницам и чувствуя странную мешанину возникающих эмоций, согревающих ее больше, чем чай.

Тревогу? Да. А еще страх, и в немалой степени. Но больше всего то, на что она не осмеливалась много лет. Надежду.

Глава 3

На следующее утро Хэл проснулась поздно. Солнце уже взошло и косыми лучами пробивалось сквозь занавески в спальне, а она лежала неподвижно, чувствуя смешанное со страхом возбуждение и пытаясь сообразить, чем оно вызвано.

Вспомнив, она съежилась, как будто ей пару раз крепко саданули по почкам.

Страх – это стопка счетов на кофейном столике, а еще хуже счетов – два напечатанных письма, отправленных не по почте… А вот возбуждение…

Ночью Хэл пыталась убедить себя, что все это ерунда. Тот факт, что Эстер Вестуэй жила в Трепассене, еще не означал, что она в самом деле владела этим огромным имением с открытки. В наши дни ни у кого не бывает таких больших домов. То, что она там умерла, еще не значит, что имение было ее собственностью. Скорее всего, сейчас там дом престарелых.

А экономка? – шептал голос в глубине сознания. А эти слова – «позаботится о комнате»? Ведь так бы не писали о доме престарелых, правда?

– Не важно, – сказала Хэл вслух, испугавшись звука собственного голоса в безмолвной квартире.

Она встала, оправила помятую одежду и нацепила очки. Прилаживая их на нос, строго посмотрела в зеркало.

Не важно, владела ли Эстер Вестуэй комнатой, или флигелем, или коттеджем на территории Трепассена, или всем этим чертовым имением. Несомненно, произошла ошибка. Она не бабушка Хэл. Деньги принадлежат кому-то другому, вот и вся история. Завтра она напишет письмо мистеру Тресвику и все объяснит.

А сегодня… Хэл посмотрела на часы и покачала головой. Сегодня у нее едва осталось время принять душ. Часы показывали двадцать минут двенадцатого, и она почти уже опоздала на работу.

Хэл стояла под душем, горячая вода молотила по черепной коробке, выбивая оттуда все мысли, когда, заглушая шум воды, опять послышался шепот: А если это правда? Ведь ты получила письмо? У них есть твой адрес, они знают, как тебя зовут.

Нет, если начистоту, это все-таки ерунда. Единственный дедушка и единственная бабушка Хэл умерли много лет назад, до ее рождения. И бабушку звали не Эстер, ее звали… Мэрион?

Может быть, Мэрион – второе имя? Так ведь бывает? Одно имя на каждый день, а другое для документов. А что, если?..

Заткнись, сказала себе Хэл. Немедленно заткнись. Ты знаешь, что это ерунда. И просто уговариваешь себя, потому что хочешь, чтобы это было правдой.

И все-таки голос присмирел, и Хэл, скорее для того, чтобы он не вернулся, закрыла воду, закуталась в полотенце и прошла в спальню. Под кроватью стоял тяжелый деревянный ящик. Она его вытащила, поморщившись от скрежета колесиков по деревянному полу и понадеявшись, что соседи снизу не балуют себя долгим валянием в постели по утрам.

В ящике в полном беспорядке были навалены важные бумаги – страховка, арендный договор на квартиру, счета, ее паспорт… Хэл поднимала слой за слоем, чувствуя себя археологом собственной истории. Договор на приобретение пакета телевизионных каналов – мимо, счет за ремонт прорванной трубы – мимо. Дальше, вниз – к прослойке, где была сплошная боль: свидетельство о смерти мамы, копия ее завещания, полицейский протокол, мамины выцветшие водительские права. Под документами темнела сложенная аккуратным квадратиком вуаль – тонкий черный газ, обшитый капельками гагата.

Ком встал в горле у Хэл, когда она откладывала ее в сторону, стараясь поскорее проскочить горькие воспоминания и перейти к более древним слоям – бумагам, которые считала нужным хранить мама, сложенным аккуратнее, – сама Хэл совала документы абы как. Там были конверт с ее собственными экзаменационными сертификатами, программка школьного спектакля с ее участием, ее фотография вместе с давным-давно исчезнувшим ухажером, на которой она выглядела очень робкой.

И наконец пластиковая папка с аккуратной надписью: Важное – метрики, а в ней два красно-бежевых документа, заполненных от руки, наверху – корона с пышным орнаментом. Заверенная копия – значилось в верхней части листа. Сначала Хэл: Хэрриет Маргарида Вестуэй, родилась 15 мая 1995 года. Мать: Маргарида Вестуэй. Род занятий не обозначен. В графе «Отец» был крепкий прочерк, словно чтобы никто не посмел заполнить квадратик по собственному усмотрению.

Под этой метрикой лежала другая, более старая, с более отчетливыми потертостями на сгибах. Маргарида Вестуэй. Мама. Взгляд Хэл переместился к графе «Родители». Отец: Уильям Ховард Райнер Вестуэй, род занятий: бухгалтер, а ниже: Мать: Мэрион Элизабет Вестуэй, девичья фамилия: Браун. У бабушки род занятий тоже не обозначен.

Ну что ж, так тому и быть.

Она не осознавала, как же сильно надеялась на чудо, пока все не лопнуло, а соблазнительные мысли об оплате долгов и какой-то там уверенности не сдулись подобно воздушному шарику.

Значительность состояния… – заманчиво шептал голос прямо в ухо. Наследники по завещанию… члены семьи…

Это по отцу, продолжал голос, пока она одевалась. У тебя ведь есть и вторая бабушка.

Хэл с горечью мотнула головой. Если наше подсознание и может нас выдать, то подсознание Хэл как раз этим сейчас и занималось.

Годами она выдумывала истории про своего отца, сплетая все более сложные для подружек в школе, чтобы скрыть, что она ничего не знает, и злость на мать за то, что та так мало ей рассказывает. Он то был летчиком, который потерпел аварию и упал в море. То полицейским, внедренным в преступную среду, которого начальство потом заставило вернуться к настоящей жизни. То знаменитостью, имя которого раскрыть нельзя, иначе их затравят таблоиды и на жизни отца можно будет поставить крест.

Наконец слухи дошли до учителей, кто-то кому-то что-то сказал, и мама, отведя Хэл в сторонку, рассказала ей правду. Оказывается, с ее отцом мама провела один вечер в брайтонском ночном клубе и больше его не видела. У него был испанский акцент, а больше мама ничего не знала.

– Ты даже не спросила, как его зовут? – недоверчиво нахмурилась Хэл, и мама, закусив губу, покачала головой. Щеки у нее пылали, и ей было так неловко, как Хэл, пожалуй, еще не видела.

Прости, сказала мама. Я не хотела, чтобы ты узнала все так, но нужно же положить конец этому… Она запнулась, из деликатности не произнеся слова, вертевшегося на языке, но Хэл даже семи лет от роду была достаточно проницательна и догадалась о том, что не было сказано.

Этому вранью… А правда в том, что ее отец не представлял собой ничего особенного. Кем он был, где жил – она понятия не имела и вряд ли когда-нибудь узнает. Скорее всего, вернулся себе в Испанию, или в Мексику, или откуда он там приехал. Но одно она знала точно: его почти наверняка звали не Вестуэй.

Так что откуда бы ни взялась ошибка, она явно не отсюда. Но это ошибка. Где-то перепутались проводки. Может быть, в другом городе живет еще одна Хэрриет Вестуэй, имеющая все права на наследство. А может, это какие-то охотники за наследниками. Когда умирает человек, не имеющий прямых наследников, деньги обращаются в пыль, если только душеприказчики, чтобы поживиться, не разыщут каких-нибудь родственников, сколь угодно дальних.

Где уж там правда, но деньги не ее, она не может на них претендовать. И на это голосу ответить было нечего.

Хэл торопливо засунула бумаги под кровать и оделась. Куда-то подевалась щетка, но она, как могла, пригладила волосы руками и осмотрела себя в зеркале у входной двери. Лицо напряженное, бледнее обычного, непричесанные мокрые черные пряди придают вид ненаписанного персонажа «Оливера Твиста». Макияж, пожалуй, мог бы исправить положение, но это не ее стиль.

Когда она надевала не просохшее с ночи пальто, голос напоследок шепнул: А знаешь, попробуй-ка ты их получить. На это мало кто способен, но если кто и выцарапает эти деньги, так это ты.

Заткнись, сказала про себя Хэл, заскрежетав зубами. За-ткнись.

Она сказала так, не потому что не поверила. А потому что это было правдой.

1 декабря 1994 года

Сегодня первый день адвента, и воздух должен бы дышать чем-то новым, должен бы начаться отсчет времени перед таким важным событием, а вместо этого я проснулась разбитая, с неясным страхом.

Я не притрагивалась к картам больше недели. Не видела необходимости. Но сегодня сидела за столом у окна, укутавшись в пуховое одеяло, и у меня зачесались руки, я решила, что неплохо бы разложить. Но только потратив кучу времени, перебирая, перемешивая карты, пробуя разные расклады, ни один из которых не показался мне правильным, я поняла, что нужно сделать.

У меня в комнате не было свечей, поэтому я пошла в гостиную и взяла из большого латунного подсвечника свечку и спички, лежавшие у камина. Спички я бросила в карман, а слишком длинная свечка в карман не помещалась, поэтому я сунула ее в рукав кофты, на случай если кто-нибудь встретится на лестнице и спросит, что я собираюсь делать.

Вернувшись к себе, я разместила на столе все свое хозяйство: карты, свечку, спички и пустую чайную чашку. Оплавив нижний конец свечи, я закрепила ее на дне чашки, зажгла и три раза провела карты через пламя.

Сделав это, я задула свечу и просто сидела с картами в руках, глядя в окно на заснеженный газон. Карты стали… другими. Более легкими. Как будто сгорели все сомнения и дурные предчувствия. И я поняла, что нужно сделать.

Разложив старшие арканы лицом вниз, я выбрала три карты и выложила их в ряд. Прошлое. Настоящее. Будущее. Вопросы теснились в голове, но я постаралась мыслить ясно и сосредоточиться лишь на одном – и не на вопросе, а на ответе, распускающемся цветком в моем теле. Потом перевернула карты лицом вверх.

Первой картой, обозначающей прошлое, оказались Влюбленные – не вверх ногами, а как положено, и я невольно улыбнулась. В картах таро не всегда правильно останавливаться на первом же значении символа, но в данном случае оно уместно. На лежавшей передо мной карте были изображены переплетенные обнаженные тела мужчины и женщины, их окружают цветы; рука мужчина покоится на груди женщины; сверху влюбленных заливает пылающий свет. Я люблю эту карту – и смотреть на нее, и толковать, но значения ее необязательно радостные. Это могут быть и сладострастие, и искушение, и уязвимость. Однако сейчас, после очищения огнем, я видела только самое простое – вот мужчина и женщина, и они любят друг друга.

Следующая карта, которую я перевернула, оказалась Шутом, но вверх ногами. Этого я не ожидала. Все заново, новая жизнь, перемены – это пожалуйста. Но вверх ногами? Глупость. Каприз. Неосмотрительность. Улыбка сползла с моих губ, я отпихнула Шута и поспешила к третьей карте, самой важной – будущему.

Она тоже открылась вверх ногами, и у меня свело живот. Я почти пожалела, что уселась за карты. Хоть бы не сейчас, не сегодня. Я отлично знала свою колоду, мне не нужно было переворачивать карту, но даже так, вверх ногами, я посмотрела на нее другими глазами, будто видела впервые. Справедливость. Женщина с серьезным лицом сидит на троне, словно осознавая свою ответственность, а равно невозможность добиться правды в таком мире, как наш. В левой руке она держит весы, а в правой – меч, готовый и карать, и миловать.

Я долго смотрела, пытаясь понять, что хочет мне сказать женщина, сидящая на троне, и все-таки даже сейчас точно не знаю. Я так надеялась, что, если буду вести дневник, прояснится, что хотят сказать мне карты, но вместо этого ощущаю лишь смятение. Подлость? Неужели это действительно может оказаться правдой? Или я неверно толкую? Сижу, перебираю остальные, более глубокие, более тонкие значения: готовность обманываться, ловушки черно-белого мышления, ложные предположения – и ни одно меня не убеждает.

Целый день я думала о последней карте – о будущем. И все-таки не поняла. Как бы я хотела с кем-нибудь поговорить, обсудить это. Но я прекрасно знаю, что Мод думает о таро. Груда дымной дури, сказала она, когда я предложила погадать ей. Потом, правда, согласилась, но фыркнув с презрительным видом. Я видела, как она задумалась, когда я перевернула выбранные ею карты, и поинтересовалась, на какой вопрос она хочет получить ответ.

– Если уж ты такая до мозга костей ясновидящая, может, сама скажешь? – спросила она, постукивая по карте кончиком пальца.

Но я только покачала головой, пытаясь скрыть раздражение, и ответила, что таро – это не фокусы на вечеринке, не ментализм дешевых иллюзионистов по субботнему ящику, которые называют людям их второе имя или угадывают надпись на карманных часах. Это больше, глубже, реальнее.

После гадания я протерла колоду, расстроившись даже не тому, что Мод дотрагивалась до карт, а ее презрительному к ним отношению. Но теперь, вспоминая тот день, я кое-что понимаю. Когда Мод перевернула карту будущего, я сказала ей кое-что еще, о чем мне следовало бы вспомнить сегодня самой и что дает некоторое утешение. Дело в том, что карты не предсказывают будущее. Они лишь показывают нам, как может повернуться та или иная ситуация, создаваемая нашей энергией, которую мы привносим в толкование. Другой день, другое настроение, другая энергетическая картина – и на тот же самый вопрос можно получить совершенно иной ответ.

Все мы обладаем свободной волей. Ответ, который дают карты, может направить нас по нашему пути. Мне же нужно лишь понять, что они говорят.

Глава 4

Был почти полдень, когда Хэл торопливо вышла на набережную и запахнула пальто, пытаясь защититься от порывистого ветра. Он резал, будто нож, по лицу и пальцам и кусал кожу на коленках, торчащих из драных джинсов.

Когда Хэл нажимала на кнопку светофора у пешеходной зебры, у нее опять свело живот. Возбуждение. Тревога. Надежда…

Нет, не надежда. Все надежды абсурдны. Документы из-под кровати поставили точку. Никаких шансов, что это может оказаться правдой. Претендовать на деньги с ее стороны – это, знаете ли… В общем, чего вилять? То, о чем она размышляет, называется мошенничество. Ясно и просто. Преступление.

Если кто и выцарапает эти деньги, так это ты.

Когда Хэл переходила улицу, мысль предательски высвечивалась в глубине сознания, и она потрясла головой, пытаясь не обращать на нее внимания. Но это было не так просто. Потому что если у кого и могло хватить духу появиться в незнакомом доме и заявить, что женщина, которую она никогда не видела, ее бабка, так это у Хэл.

Хэл была гадалкой, из лучших. В своем маленьком офисе на Западном пирсе Брайтона она раскладывала карты таро и предсказывала будущее. Но лучше ей давались таро, к ней приезжали даже из Гастингса и Лондона, многие не по одному разу. Потом такие клиенты рассказывали друзьям о том, что Хэл угадала их тайны, выложила факты, о которых никто не мог знать, предсказала будущее.

Она старалась не считать их глупыми, но вообще-то они такими и были. Не столько отдыхающие, например, девчонки, которые приезжали на девичники и приходили к ней похихикать и спросить, какого размера прибор у ухажера и не ударит ли он лицом в грязь в свадебную ночь. Когда Хэл произносила заученные фразы (Шут – начало чего-то нового, Императрица – женственность и плодовитость, Дьявол – сексуальность, Влюбленные – страсть и преданность), они визжали и обмирали от восторга. Иногда она прятала в руке карты, которые были ей нужны, чтобы успокоить клиента, и выкладывала их в определенный момент, чтобы не расстроить младшими арканами и такими старшими арканами, как Смерть или Жрец. Но вообще-то к концу дня уже не имело значения, какие карты выбирали девочки; Хэл подгоняла картинки под то, что они хотели слышать. Она, как полагается, хмурилась, качала головой, чтобы произвести на них впечатление и довести до экстаза, а в конце ободряюще хлопала по руке. В итоге у нее всегда выходили любовь и счастье, даже с самым безнадежным мужчиной, хотя могли наступить и трудные времена. Таких Хэл дурачила без зазрения совести.

Но были и другие. Постоянные клиенты. Те, кто верил, кто наскребал пятнадцать, двадцать фунтов и приходил опять и опять, желая получить ответы, которые Хэл дать не могла не потому, что не понимала, чего они хотят, а потому, что не могла найти в себе силы им лгать.

С такими было проще всего. Они записывались на сеанс, давали свои настоящие имена и телефоны, так что их можно было найти в «Гугле» или на «Фейсбуке». Даже посетители с улицы несли достаточно информации о себе: Хэл угадывала

их возраст, социальное положение, замечала дорогие, но поношенные туфли, свидетельствовавшие о неблагоприятной перемене в судьбе, или недавно купленную дизайнерскую сумочку, что говорило об обратном. В неярком свете кабинета она тем не менее подмечала белую полоску, оставленную только что снятым обручальным кольцом, или трясущиеся руки несчастного, кому не удалось сегодня опохмелиться.

Иногда Хэл даже не сразу понимала, откуда она все это знает, и тогда ей действительно начинало казаться, что карты о чем-то рассказывают.

– Я вижу, вы огорчены, – могла сказать она. – Тут… ребенок?

И глаза женщины наполнялись слезами, она кивала и, прежде чем одуматься, уже выкладывала историю либо выкидыша, либо мертворождения, либо бесплодия. И только потом Хэл недоумевала: а откуда она, собственно, это взяла? А потом вспоминала, что когда выглянула пригласить клиентку в кабинет, та смотрела на молодую мамашу, прогуливающуюся с подвязанным к животу младенцем и карапузом, мордашка которого была измазана сахарной ватой, вспоминала затравленный взгляд клиентки и все понимала.

Тогда у нее появлялось очень скверное чувство, и иногда она даже возвращала деньги, говоря клиентам, что карты запретили ей брать вознаграждение, хотя это, казалось, только подстегивало их и сильнее убеждало, что необходимо прийти еще раз с купюрами в кулачке.

Но в целом Хэл любила свою работу. Ей нравились хриплые, пьяные девичники. Нравились даже грубые мужики, которые не верили ни во что, гоготали и сыпали грязными шутками по поводу того, что надо бы проверить на ощупь ее хрустальные шары. Ей казалось, что она, пусть чуть-чуть, помогает слабым. Не считая ищущих пустого развлечения девушек, она не опускалась до низости и не говорила клиентам того, что они хотели слышать; она говорила лишь то, что люди вообще-то должны были знать сами. Что правду не найти на дне бутылки. Что наркотики не дадут никаких ответов. Что оставить мужа, на совести которого побои, виднеющиеся из-за ворота блузки, вполне нормально.

Она была дешевле психотерапевтов и деликатнее экстрасенсов, которые совали свои визитки людям под дверь, уверяя, что в состоянии исцелить неизлечимые заболевания при помощи кристаллов, или предлагая побеседовать с умершими

возлюбленными и детьми – за определенную плату, разумеется…

Хэл никогда ничего подобного не обещала. Когда у нее спрашивали, может ли она вызвать дух Дэвида, Фабиана или маленькой Коры, она качала головой. Она не зарабатывала деньги спиритическими сеансами, наживаясь на горе, видном невооруженным глазом.

– Карты не предсказывают будущее, – снова и снова подстраховывалась она, поскольку ситуация могла развернуться по-всякому, но помимо этого стремясь втолковать клиентам то, что им нужно знать: железобетонных ответов не существует. – Они только показывают возможные варианты, а те зависят от энергии, которую вы несете сегодня. Таро – не тюремная камера, а руководство к действию.

Правда заключалась в том, что как бы Хэл ни старалась внушить людям обратное, им нравились таро, поскольку они давали иллюзию, что человек в состоянии контролировать происходящее, в силах управлять своей жизнью и защищен от бессмысленной беспорядочности судьбы. А Хэл нравилась им, поскольку хорошо делала свое дело. Из тех образов, что живописали клиенты, она умела сплести историю, умела слышать их вопросы, их боль и надежды.

Она всегда была робкой, в присутствии незнакомых людей помалкивала, в школе, где царили грубые нравы, чувствовала себя, как рыба, которую вытащили из воды. За те годы, что Хэл держалась в тени и наблюдала за окружающими, она, не сознавая того, обучилась независимости суждений и приобрела навыки, которые в один прекрасный день стали ее профессией. Она видела, какими люди хотят выглядеть в глазах других, видела признаки, свидетельствующие о том, что они нервничают, питают надежды или пытаются убежать от правды. Она сделала открытие, что самая главная правда часто в том, чего люди не говорят, и научилась отгадывать тайны, которые человек прячет у всех на виду – в одежде, в выражении лица, когда он думает, что на него никто не смотрит.

В отличие от большинства своих клиентов Хэл не верила в то, что карты, лежащие у нее в кармане, обладают какой-то мистической силой помимо ее собственной способности обнажать то, в чем люди не признавались даже самим себе.

Но сейчас, торопливо шагая по Дворцовому пирсу, вдыхая запах жареной рыбы и картошки, который доносил морской ветер и от которого урчало в животе, Хэл вдруг стало интересно. Вот если бы она верила… если бы верила… Что скажут карты об имении Трепассен? О женщине, которая не была ей бабушкой? О выборе, который ей предстояло сделать? Бог весть…

Глава 5

– Добренького утречка, леденчик!

– Доброе утро, Рег. – И Хэл просунула пятидесятипенсовую монету в окошко. – Чашку чая, пожалуйста.

– Еще бы. Для коктейлей-то сегодня холодновато, а? Чашечку чайку, – принялся бормотать Рег, бросая пакетик в надтреснутую белую кружку. – Чашечку… чайку для моей любимой… чикули.

Чикуля. Девушка.

Рег не был брайтонцем, он приехал из Лондона и щедро уснащал свою речь словечками из кокни, правда, Хэл не была уверена, что это действительно кокни. Язык кокни он, несомненно, знал, по крайней мере, освоил его самостоятельно, так как родился под звон колоколов Сент-Мэри-ле-Боу[1 - Церковь в Лондоне. Считается, что человек, родившийся в пределах слышимости ее колоколов, – истинный кокни. – Здесь и далее примеч. ред.] и в детстве гонял по улицам Ист-Энда. Но было в нем какое-то актерство, и Хэл подозревала, что все это имеет отношение к курортному колориту, который так нравится приезжим. Эдакий старый добрый чудак с пирогами и чайком.

Рег, нахмурившись, смотрел на чайник.

– Чтоб ей пусто было, этой посудине, опять дурит. Контакт, наверно, отходит. Есть десять минут, Хэл?

Хэл посмотрела на часы.

– Не очень… Предполагается, что я открываюсь в двенадцать.

– Ай, не бери в голову. Никого у тебя там нет. Они все равно идут мимо меня. Мелка тоже еще нет, так что с ним у тебя проблем не будет. Зайди, присядь.

Он открыл дверь будки и кивком зазвал Хэл. Та помялась, но все-таки зашла.

Мелок, мистер Уайт, был управляющим пирса. Хэл как самостоятельный предприниматель в известной степени сама определяла часы своей работы, но Уайт любил, чтобы все заведения открывались, как положено. Ничто не действует так угнетающе, любил говорить он, как сплошные опущенные ставни на пирсе. Чтобы завлечь посетителей на свой променад, Западный пирс уже вкалывал больше, чем его близнец Дворцовый, и когда сборы, как обычно бывает зимой, упали, Уайт начал склоняться к тому, чтобы пересмотреть договоры об аренде фирм и фирмочек, не приносящих солидных доходов. А потерять офис Хэл сейчас никак не могла.

В будке у Рега было тепло и сильно пахло беконом от гриля у задней стенки. В зимние месяцы коронным блюдом лондонца были сандвичи с беконом и чай, а летом мороженое «Мистер Уиппи» и банки с кока-колой.

– Сейчас вскипит, – сказал Рег. – Как дела, старушка?

– Нормально, – ответила Хэл, хотя это был не самый честный ответ.

При мысли о двух листах бумаги с напечатанным текстом, которые мирно лежали у нее дома на кофейном столике, по-прежнему подташнивало, и она почти боялась обнаружить еще один конверт, открыв офис. Если бы только… Если бы только письмо мистера Тресвика в самом деле предназначалось ей.

Чайник наконец закипел, и Хэл смотрела, как Рег одной рукой ловко манипулирует краником и кружкой, а другой переворачивает бекон. Оказывается, беседовать со своим подсознанием проще, чем смотреть в лицо старому другу. Лучше бы она не видела его глаз, которые потемнели от беспокойства.

– Ну, в общем… – Говорить было трудно, и, сглотнув, Хэл заставила себя продолжить. Но сказала она вовсе не то, что собиралась: – В общем, может быть, даже лучше, чем просто нормально. Вчера вечером я получила письмо, в котором сообщается, что я вроде как наследница тайного состояния.

– Вроде как – что? – Рег повернулся с кружкой в руке и с откровенным изумлением посмотрел на нее. – Сделай одолжение, повтори.

– Вчера вечером. Я получила письмо. От адвоката. В нем говорится, что мне причитается значительное наследство, типа того.

– Ты меня дуришь? – спросил Рег, и брови его взмыли практически до линии, где должны были начинаться отсутствующие волосы.

Хэл покачала головой, и Рег, видя, что она говорит серьезно, в свою очередь покачал головой и протянул ей чашку.

– Будь осторожна, детка. Какие только кидалы не попадаются. Мое горе луковое как-то подцепила одного такого, сказал ей, будто она выиграла в венесуэльскую лотерею или еще какую-то чушь. Никогда никому не передавай никаких денег. Хотя чего тебе об этом говорить, – подмигнул Рег. – Сама не промах.

– Вряд ли это надувательство, – задумчиво сказала Хэл. – Если уж фигня, то скорее ошибка. Думаю, меня с кем-то перепутали.

– Так ты считаешь, это те охотники, которые, когда кто-нибудь помрет, сбиваются с ног в поисках дальних родственников? – Рег нахмурился, но не с беспокойством, а будто разгадывая головоломку.

– Может быть. – Хэл повела плечами и осторожно втянула глоток обжигающего чая. Он был еще и горький – такой замечательный.

Леденящая липкая мысль о письмах на кофейном столике начала отступать, и на мгновение вспыхнуло воспоминание о том, как это бывает, когда просыпаешься утром и не терзаешься из-за каждого счета, не думаешь, когда придет очередное требование арендной платы, не боишься стука в дверь. Господи, чего бы она не дала, чтобы опять вернуть это спокойствие…

В ней что-то начало сгущаться – железная решимость…

– Ладно, – сказал наконец Рег, – если кто и заслуживает шанса, так это ты, дорогуша. Бери деньги, которые тебе предложат, и беги, вот тебе мой совет. Бери деньги и беги.

Глава 6

– До свидания, – сказала Хэл, когда три не вполне трезвые девушки вывалились из кабинета и с визгом и смехом помчались по направлению к барам и клубам. – Да сопутствует вам удача, – как обычно, добавила она, но они были уже далеко и не могли ее слышать.

Посмотрев на часы, Хэл поняла, что скоро девять и пирс сейчас закроется.

Она устала – если совсем честно, просто выбилась из сил – и несколько часов назад, поскольку время шло, а пирс пустовал, думала свернуться, повесить табличку Закрыто и отправиться домой. Но, по счастью, осталась. Целый день клиентов почти не было, а к семи как прорвало: две товарки пришли спросить, что им делать со свирепствующим боссом, а потом, часов в восемь, три подвыпившие девушки придумали-таки, над чем похихикать. Не бог весть какой заработок, но, кажется, она сможет оплатить аренду офиса за неделю, а это больше того, на что она твердо может рассчитывать в зимние месяцы.

Вздохнув, Хэл выключила маленький обогреватель, стоявший у ног, и встала, собираясь погасить небольшую неоновую вывеску у входа.

Мадам Маргарида – было написано кучерявыми прописными буквами, и хотя это имя не очень подходило Хэл, вызывая в воображении какой-то цыганский образ в духе Джипси Роуз Ли, у нее не хватало духу сменить вывеску. Внизу мельче было приписано: Специалист по картам таро, предсказаниям и гаданию по руке, хотя Хэл не очень любила гадать по руке. Может, все дело было в физическом контакте, в теплых потных ладонях посетителей. А может, не хватало антуража; карты таро ей просто нравились – мягкие, ломкие, с изящными картинками.

Хэл щелкнула выключателем, снаружи погас свет, но тут в стекло кто-то постучал. У нее свело живот, и на мгновение она застыла, даже дыхание прервалось.

– Я стучу-стучу, – послышался задиристый женский голос. – Вам что, не нужны клиенты?

Хэл облегченно вздохнула, напряжение схлынуло, и она открыла дверь.

– Извините. – Она говорила спокойно, как профессионал, в которого превращалась, беря в руки карты. Голос звучал легко и серьезно одновременно, на тон ниже, чем обычно, хотя сейчас, когда сердце еще колотилось после внезапной волны страха, оказалось нелегко попасть в нужную тональность. – Вам следовало постучать чуть раньше.

– Будь вы настоящим экстрасенсом, вы бы поняли, – злорадно сказала посетительница, и Хэл подавила еще один вздох. Кажется, одна из этих.

Она никогда не могла понять, что приводит в ее кабинет неверов. Она ведь никого не заставляла. Не рекламировала свои услуги, не обещала исцелений, не рекомендовала рискованных затей, даже не настаивала на том, что ее гадания не просто забавное времяпрепровождение. Так что для разоблачений можно было найти и кого-нибудь получше. А они все-таки приходили, скрещивали на груди руки, поджимали губы, сопротивлялись и с мрачным удовольствием воспринимали каждый ее промах, хоть и отчаянно хотели поверить. Но Хэл не могла себе позволить отказывать клиентам.

– Пожалуйста, проходите, садитесь.

Женщина, не произнеся ни слова, отодвинула стул и села, плотнее запахнув пальто в елочку, сжав потрескавшиеся губы и сузив глаза.

Хэл уселась за стол, подтянула шкатулку с картами и приступила к обычному введению, заготовленному для новых клиентов с улицы: пара-тройка общих наблюдений о посетителе, которые могут сойти за догадки и призваны поразить слушателя проницательностью, немного самовосхваления вперемежку с историей таро, которая отскакивала от зубов и предназначалась для неосведомленных, тех, кому нужен контекст, чтобы понять, что она собирается

делать…

Но буквально через несколько фраз женщина ее перебила:

– Не очень-то вы тянете на экстрасенса. – Она осмотрела Хэл с головы до пят, захватив обтрепанные джинсы, серьгу в правом ухе в форме крупного шипа, татуировку, проглядывающую из-под выреза футболки. – Я думала, нужен прикид, потрепанная вуаль… Как полагается. Там у вас вывеска «Мадам Маргарида». Какая вы мадам? Скорее двенадцатилетний пацан.

Мадам Маргарида только улыбнулась и покачала головой, но женщина ее сбила, и, вернувшись к своему спичу, Хэл поняла, что думает о тонкой черной газовой вуали с гагатовыми капельками по краям, лежащей дома, в ящике под кроватью. Она начала спотыкаться на заученных фразах и обрадовалась, добравшись до финала, в конце, как всегда, задав вопрос:

– А теперь, пожалуйста, скажите мне, что привело вас сегодня посоветоваться с картами?

– А вы сами не знаете? – резанула посетительница.

– Мне кажется, у вас накопилось немало вопросов. – Хэл постаралась не выдать нетерпеливости. – А времени не так много.

И я хочу домой, подумала она, правда, не произнесла этого вслух. Повисла пауза. Ветер завывал между сваями пирса, в отдалении слышался скрип волнорезов.

– Мне нужно принять одно решение, – наконец ворчливо произнесла женщина, как будто из нее клещами тянули слова. Она шевельнулась на стуле, отчего пламя свечи дернулось и закоптило.

– Да, но… – осторожно начала Хэл с полувопросительной интонацией. – Мне кажется, перед вами два пути, правда, они извиваются, петляют, далеко вам не видно. Вы хотите знать, по какому из них пойти.

То же самое – принять решение, сделать выбор, – только другими словами. Негусто, что и говорить, на руках у нее почти ничего. Но тут женщина мрачно кивнула.

– Сейчас я перетасую карты, – сказала Хэл и, открыв лакированную шкатулку, в которой хранила рабочую колоду, быстро ее перемешала и разложила на столе длинной дугой. – Теперь держите в голове вопрос, на который хотите получить ответ, и укажите мне на одну карту. Не дотрагивайтесь до нее, просто укажите пальцем на ту, что на вас смотрит.

Женщина плотно стиснула зубы, и Хэл вдруг не на шутку запаниковала. Что угодно, но не рядовой вопрос привел сюда эту посетительницу; она пришла против воли, покорившись чему-то, во что поверила вопреки себе. Женщина наклонилась – в вырезе блузки блеснул крестик – и указала на карту так резко, как будто боялась, что рука попадет в капкан.

– Эта? – уточнила Хэл, вынимая карту из разложенной колоды.

Женщина кивнула.

Хэл положила карту лицом вниз в центр стола и украдкой посмотрела на часы за спиной у посетительницы. Обычно она раскладывала Кельтский крест, но ни фига, не будет она тратить столько времени на эту женщину, она устала и продрогла, а в животе урчит. Расклад из трех карт – максимум.

– Эта карта, – Хэл коснулась карты, выбранной клиенткой, – говорит о нынешней ситуации, о проблеме, с которой вы пришли ко мне. Теперь выберите вторую.

Женщина щелкнула пальцами над другой картой, и Хэл положила ее рядом с первой, тоже лицом вниз.

– Эта означает препятствия, с которыми вы столкнулись. Теперь последнюю.

Женщина заколебалась, а затем указала на первую карту с левого края дуги. Так поступали не часто, обычно тыкали в ближайшую к себе, в середину аккуратной линии, в которую была выложена колода; редкие клиенты, более внушаемые, словно подчиняясь молчаливому приказу, указывали на последнюю справа,

самую нижнюю в колоде. Выбор первой карты слева был необычным, и Хэл удивилась. Хотя могла бы и догадаться, подумала она. Перед ней человек изломанный, строптивый, который будет делать обратное тому, что, как ему кажется, от него ждут.

– Эта последняя карта и есть тот совет, который дают вам карты, – сказала Хэл.

Она перевернула первую карту и услышала всхлип – женщина что-то прошептала и закрыла рот рукой. Глаза у нее расширились и наполнились слезами, в них появилось измученное выражение, и вдруг Хэл все поняла. Поняла, зачем та пришла, поняла, что означало для нее изображение на карте.

Молодой человек идет с узелком на палке в одной руке и цветком в другой, на небе яркое солнце, и только то, что юноша в шаге от обрыва, которого он не замечает, дает ключ к более глубокому, темному значению карты – нетерпеливость, глупость, несдержанность.

– Эта карта называется Шут, – мягко сказала Хэл и, когда посетительница тихо, судорожно вздохнула и, преодолевая себя, кивнула, продолжила: – Но таро не имеют простых значений. Шут может обозначать и шутовство, однако далеко не всегда. Иногда эта карта говорит о начале чего-то нового, иногда о том, что человек склонен поступать, не думая о последствиях, не обращая свои мысли на будущее.

Женщина еще раз сухо, сдавленно всхлипнула, пробормотала: «Его будущее», – и в голосе ее была такая горечь, что Хэл не смогла удержаться и протянула к ней руку.

– Я… Простите меня, но… Это вопрос о вашем сыне?

И тут женщина заплакала, не выдержала. Она плакала, кивала, что-то говорила, Хэл слышала отдельные слова – названия наркотиков, оздоровительных центров, которые, как ей было известно, располагались в Брайтоне, что-то о стерильных иглах, о деньгах, украденных из сумочки, о проданных или заложенных фамильных ценностях, о бессонных ночах, проведенных в ожидании телефонного звонка, которого так и не было. История, прерывающаяся мучительными рыданиями, была достаточно прозрачна – отчаянная борьба за спасение сына, который не хотел, чтобы его спасали.

Да, нужно принять решение, как и сказала посетительница. Хэл понимала, что это за решение, и пожалела, что открыла дверь. С нехорошим чувством она перевернула вторую карту. Это было Колесо Фортуны, но вверх ногами.

– Вторая карта означает препятствие, которое на пути у вас обоих – и у вас, и у вашего сына. Это Колесо Фортуны, или Колесо Жизни. Оно означает судьбу, обновление, жизненный цикл и говорит о том, что вы и ваш сын подошли к развилке… – Короткий, неохотный кивок, женщина резким движением вытерла глаза. – Но оно перевернуто – видите, карта открылась вверх ногами? Перевернутое Колесо означает неудачу. Это то самое препятствие, которое вошло в вашу жизнь. Злые силы, которые вы не в состоянии контролировать, но они необязательно внешние; они могут быть и результатом прошлых решений – ваших и, разумеется, вашего сына.

– Его решений, – с горечью промолвила женщина. – Его решений, не моих. Он был таким хорошим мальчиком, пока не связался с этими парнями в школе и не начал торговать. Что мне было делать: стоять рядом и смотреть, как он гибнет?

Ее глаза превратились в бесцветные впадины. В ожидании ответа Хэл посетительница так крепко закусила потрескавшуюся губу, что показались бусинки крови.

Хэл покачала головой. Вдруг ей отчаянно захотелось, чтобы все это как можно скорее кончилось.

– Последняя карта означает возможное направление действий, но… – Жадное нетерпение в глазах собеседницы заставило ее торопливо добавить: – Важно понимать, это не предписание. Карты не предсказывают будущее, не указывают путь, гарантированный от неудач. Они просто говорят, как в один прекрасный день может решиться ваша проблема. Бывают случаи, не имеющие простых решений. Все, что мы можем сделать, это пойти по пути, который несет наименьшую опасность.

Она перевернула карту, и к тусклому мерцающему свету обратила свое ясное лицо Жрица.

– Что это? – требовательно спросила женщина. Все ее неверие ушло, уступив место отчаянному желанию получить ответ. Она пристально смотрела на фигуру, изображенную на карте: женщина сидит на троне, рука поднята в благословляющем жесте. – Кто это? Что-то вроде языческой богини?

– В некоторой степени, – медленно начала Хэл. – Некоторые зовут ее Персефоной, некоторые Артемидой, богиней охоты. А кто-то дает еще более древние имена. По-французски она называется la papesse.

– Но что это значит? – еще требовательнее спросила посетительница. Пальцы, будто когти, крепко обхватили запястье Хэл, так что ей стало больно, и она с трудом подавила желание отпихнуть настырную руку.

– Интуиция, – коротко сказала она, высвободив руку под предлогом того, что нужно сложить колоду, и поместила Жрицу сверху. – А также символ неизвестности – как в нас самих, так и в будущем. Это означает, что жизнь меняется, будущее всегда неопределенно вне зависимости от того, сколько нам удастся о нем узнать.

– Так что же мне делать? – вскрикнула женщина. – Я не могу больше жить с этим! Но если я оттолкну его, что же я буду за мать?

– Я думаю… – Хэл осеклась. Эту часть действа она ненавидела. Ненавидела, когда у нее требовали ответы, которые она не могла дать. Она сосредоточилась и продолжала: – Знаете, у вас очень необычный расклад. – Она перевернула колоду и разложила ее, показав посетительнице все карты в соотношении старших и младших арканов, объясняя, что подавляющее большинство из них как раз младшие. – Эти карты – вот эти, помеченные числами, с увеличивающимся количеством символов, – мы называем младшими. Конечно, они тоже имеют свое значение, но они более… гибкие, что ли? Более открыты разным толкованиям. А вот эти, – Хэл указала на карты, которые выбрала посетительница, и на оставшиеся старшие арканы в колоде, – называются старшими арканами, или козырями. Вытянуть одни козыри статистически маловероятно. Их просто не так много. Они как раз символизируют сильные ветры судьбы, поворотные пункты в нашей жизни. Если вы выбрали такие карты, это может означать, что вы не владеете ситуацией, что она разрешится по велению судьбы.

Женщина ничего не отвечала, только смотрела на Хэл такими жадными глазами, что той стало страшно. Свеча скудно освещала лицо клиентки, еще глубже запавшие глазницы.

– В конечном счете, – мягко добавила Хэл, – вам самой решать, что сказали карты, но мне кажется, что Жрица призывает вас слушать вашу интуицию. Вы уже знаете ответ. Он здесь, в вашем сердце.

Женщина отпрянула от Хэл, затем очень медленно кивнула и опять закусила белые, потрескавшиеся губы. После чего встала, бросила на стол смятые в комок купюры и повернулась к выходу.

Впустив порыв ветра, сильно хлопнула дверь офиса, и Хэл, вынужденная придержать купюры, разгладила их и ахнула, увидев, как много оставила клиентка.

– Подождите! – позвала она.

Она бросилась к выходу и с силой толкнула дверь, преодолевая сопротивление ветра. Ручка не удержалась в ладони, и дверь с грохотом опять закрылась, заставив Хэл испугаться за хрупкое стекло в викторианском стиле, но мимолетный взгляд убедил ее, что все в порядке. Однако посетительница исчезла.

Хэл рванула бегом, скользя по мокрым доскам.

– Подожди-ите!

Ветер к вечеру усилился, и смесь дождя и соленых брызг стегала по глазам. Хэл добежала до освещенной вывески над входом на пирс, которая отбрасывала длинные пляшущие тени.

– Подождите, вернитесь! – крикнула она в мокрую ночь, пытаясь разглядеть сквозь струи дождя неясную фигуру. – Это слишком много!

Хэл запыхалась, но попыталась дышать бесшумно в надежде расслышать торопливые шаги в темноте, однако, кроме морского гула и дождя, нельзя было

ничего разобрать. Пустой променад, женщина исчезла, будто сотканная из дождя.

Хэл отчаялась догнать щедрую клиентку. К тому же она насквозь промокла и продрогла. Рука все еще сжимала банкноты, почти размякшие под капавшим с навеса дождем. Посетительница заплатила шестьдесят фунтов – невероятную сумму, – столько Хэл не получала и за четыре обычных расклада по пятнадцать минут. И казалось бы – за что? За то, что пару раз попала в точку и порекомендовала прислушаться к тому, что той и так уже известно?

Она покачала головой, засунула купюры в карман и, стуча зубами, повернула обратно. Надо было запереть офис на ночь. Проходя под крытым входом, она машинально погладила пластмассового пса-поводыря с прорезью в голове для пожертвований – так делали сотни детей. В детстве Хэл, когда заходила к маме на работу, всегда гладила этого пса, и иногда, когда у них случался лишний фунт, мама разрешала ей просунуть в прорезь монетку. Она старалась не нарушать эту традицию, хотя в последнее время фунт усыхал до пятидесяти пенни, а то и до пенни.

Сегодня, прекрасно помня о двух анонимных письмах, она вообще не собиралась ничего жертвовать, но теперь, проходя в высокие полукруглые ворота, помедлила и вернулась.

Пес терпеливо сидел, худо-бедно защищенный навесом от непогоды, рядом с двумя другими емкостями для пожертвований, хотя те не пользовались такой популярностью у детей. Одна имела форму корабля, и накопленные в ней деньги шли на Королевский национальный институт спасения на водах, а вторая представляла собой гигантский стаканчик мороженого с надписью: Жертвуйте на благотворительную акцию Западного пирса! В этом месяце пожертвования идут на… – и окошком, куда можно было вписать очередную уважительную причину раскошелиться.

Хэл нагнулась к вставленному туда мокрому клочку бумаги. Разобрать слова было трудно, дождь или морская вода затекли под пластик, чернила размылись, но ей удалось сложить слова: Проект «Маяк». Реабилитация наркозависимых. Брайтон и Хоув. Хэл нащупала в кармане солидный комок купюр, оставленных посетительницей, вспомнила «последние предупреждения» на кофейном

столике, письмо, просунутое под дверь офиса.

Когда она пересчитывала банкноты, руки дрожали, но потом Хэл одну за одной засунула их в прорезь стаканчика с мороженым, стараясь не думать о счетах, которые могла бы оплатить, горячих обедах, да даже новых туфлях, которые могла бы позволить себе на эти деньги.

Наконец последняя купюра проскользнула в прорезь, и Хэл повернула обратно. В этот момент стаканчик зажегся ярким синим светом, отбросившим в дождливую ночь длинную тень.

Глава 7

По пути в офис Хэл дрожала. Она пожалела, что, сломя голову бросившись догонять посетительницу, не прихватила пальто. Теперь она промокла насквозь, домой придется идти в мокрой, холодной одежде, а потом еще потратить больше денег на газ, пытаясь отогреться перед сном.

Она шла осторожно, обходя сломанные доски; ноги скользили по намокшему от дождя деревянному настилу; в свете редких уже огней блестели лужи. Было всего десять вечера, но на пирсе почти все свернулись – бальный зал закрыт, на будке Рега опущены ставни, а в киоске с сахарной ватой изнутри видны жалюзи. Здесь не принимают наличные – гласила надпись на киоске, хотя если бы Хэл не видела ее уже сотни раз, то вряд ли разобрала бы слова: полосы света прыгали на порывистом ветру и бросали на все бешено мечущиеся тени. Пирс не закрывался на зиму. Раньше закрывался, но теперь был открыт круглый год, как и его близнец дальше по берегу, однако в конце сезона воцарялась атмосфера запустения, и Хэл вздохнула при мысли о долгой зиме, что ждала впереди. И вдруг задумалась: а сможет ли она дальше тянуть офис? А если нет, что тогда?

Дверь была закрыта, хотя Хэл не помнила, чтобы захлопнула ее. Она положила руку на покрытую соляной коростой ручку, повернула ее и проскользнула в темный кабинет, испытав облегчение, что прекратился ветер и ее окутало остатками тепла от обогревателя.

– Привет, солнышко, – послышался голос, и на столе включилась лампа с красным абажуром.

Кровь отлила у Хэл от лица, и сердце забилось в ушах – с таким звуком волны разбиваются о берег.

Мужчина, стоявший в круге света от лампы, был очень высокий, очень широкий и очень лысый. Он улыбался, но в улыбке не было доброжелательности. Он улыбался, как человек, который получает удовольствие при виде напуганных людей. А Хэл была напугана.

– Что… – начала она, но голос не слушался. – Что вы здесь делаете?

– Может, хочу раскинуть карты, – пошутил человек, а рука в кармане пальто поглаживала нечто, и это Хэл почему-то очень не понравилось. Посетитель слегка шепелявил, высвистывая слова в щель между передними зубами.

– Я закрылась, – выдавила Хэл, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Да брось ты, – с мягким упреком бросил пришелец. – Ведь можно кинуть пару карт для старого друга матери, правда?

Внутри у Хэл все похолодело, а потом оцепенело.

– Что вам известно о моей матери?

– Я навел о тебе справки. Просто из дружеского любопытства.

– Я бы предпочла, чтобы вы ушли, – сказала Хэл.

У нее в кабинете была тревожная кнопка, но она располагалась как раз там, где стоял пришелец, да и потом все зависит от того, на месте ли охранник пирса.

Человек покачал головой, и Хэл запаниковала, ей стало трудно дышать.

– Я сказала – уходите!

– Ну-ну-ну… – Человек покачал головой, на секунду перестав улыбаться, хотя улыбка не исчезла из глаз – своего рода удовольствие от ее страха и попыток его скрыть. Свет от лампы освещал лицо снизу, как в фильмах ужасов. – Что бы сказала мама своей девочке, которая так обращается с ее старым другом?

– Я вам не девочка, – прошипела Хэл сквозь стиснутые зубы. Она обхватила себя, пытаясь унять дрожь в руках. – И я не верю, что вы были знакомы с моей матерью. Что вам нужно?

– Думаю, тебе прекрасно известно, что нам нужно. И ты не можешь отрицать, что мы пытались уладить дело по-хорошему. Мистер Смит даже написал тебе письмо. А он пишет далеко не всем клиентам.

– Что вам нужно? – не дрогнув, повторила Хэл, но, в общем-то, чего спрашивать? Она знала ответ. Как знала и то, что означали письма.

Пришелец опять покачал головой:

– Да будет вам, мисс Вестуэй. Давай не будем играть в кошки-мышки. Ты отлично знала условия, на которые соглашалась.

– Я заплатила уже в три, в четыре раза больше. – Голос чуть не сорвался от отчаяния. – Ради всего святого, пожалуйста. Вы же знаете, что я заплатила. Отдала вам больше двух тысяч фунтов. А занимала пятьсот.

– Договор есть договор. Ты согласилась на проценты. Если не по душе, не надо было соглашаться.

– У меня не было выбора!

Но пришелец опять улыбнулся и покачал головой:

– Ерунда, моя милая. Выбор всегда есть, мисс Вестуэй. Ты сделала свой и заняла деньги у мистера Смита, а он хочет получить их обратно. Но он вполне здравомыслящий человек. Твой долг в настоящий момент составляет… – Человек сделал вид, будто справляется по клочку бумаги в руке, хотя Хэл была абсолютно уверена, что это спектакль. – Три тысячи восемьсот двадцать пять

фунтов. Однако мистер Смит любезно предлагает уплатить три тысячи наличными как окончательный взнос, и будем считать дело улаженным.

– Но у меня нет трех тысяч фунтов, – сказала Хэл. Она невольно повысила голос и сглотнула, приказав себе перейти с крика на деловой разговор.

Тише. В голове зазвучал голос мамы, мягкий, успокаивающий. Хэл помнила, как та рассказывала о методах общения со сложными клиентами. Дай им понять, что ты контролируешь ситуацию, не они. Не позволяй чего-то требовать. Помни, ты тут главная. Ты задаешь вопросы. Ты определяешь темп.

Если бы только сейчас шел сеанс гадания. Если бы этот человек сидел напротив нее за столом, а между ними лежали карты… Но ситуация была совсем иная. Придется разбираться с ней. И ей это по силам.

– Послушайте, – по-деловому начала Хэл. Судорожно захватив воздуха, она заставила себя сменить оборонительную позицию и развела руки, демонстрируя свою открытость. Она даже попыталась улыбнуться, хотя, наверно, точнее было бы назвать это зверской гримасой. – Послушайте, я не меньше вашего хочу решить вопрос. На самом деле даже больше. Но у меня нет ни трех тысяч, ни возможности их заработать. С таким же успехом вы могли бы потребовать с меня луну с неба. Давайте попытаемся определить, что для меня посильно, а для вашего босса приемлемо. Пятьдесят фунтов в неделю?

Она не сделала паузы, чтобы подумать о том, где будет доставать эти деньги. В это время года у нее не было пятидесяти фунтов в неделю. Но может быть, мистер Хан разрешит ей отсрочить на месяц выплату арендной платы, а скоро Рождество – всегда некоторое оживление в бизнесе: корпоративные вечеринки, открытые допоздна магазины. Да плевать, найдет она деньги.

– Вот. – Хэл подошла к столу и взяла стоявшую сбоку лакированную шкатулку, где хранила сборы за день. Руки у нее дрожали так, что она с трудом справилась с замком, но наконец шкатулка открылась. Вынимая оттуда банкноты, она заставила себя поднять на пришельца нарочито кокетливый взгляд сквозь ресницы и улыбнуться, словно была маленькой девочкой, робкой, просительной, взывающей к лучшим сторонам его души – если они у него были, конечно. – Смотрите, вот здесь двадцать… тридцать… почти сорок фунтов. Возьмите.

Не важно, что ей еще нужно заплатить Мелку-Уайту за аренду офиса. Плевать на счета, на аренду, на то, что дома пусто. Лишь бы выпроводить его отсюда и выиграть время.

Но пришелец покачал головой:

– Понимаете, если бы решал я, я бы с удовольствием согласился. Больше всего на свете хочется помочь молодой девушке, такой, как вы, столь одинокой в нашем мире. – Оценивающим взглядом он обвел кабинет. – Но от меня ничего не зависит. А мистер Смит полагает, что он проявил немалую щедрость, а вы его просто использовали. Мистеру Смиту нужны деньги. Разговор окончен.

– А иначе что? – с вызовом бросила Хэл. Вдруг ей все это надоело. Она засунула деньги в карман, и где-то глубоко, под самым сердцем вспыхнул гнев, и от его неуемного жара начал отступать холодный страх. – Что он сделает? Присвоит мое имущество? Я ничего не могу вам предложить. Вы можете продать все, что я имею, и не наскребете трех штук. Потащит меня в суд? Я ничего не подписывала; вы можете только утверждать, равно как и я. Или обратится в полицию? Знаете… – Хэл осеклась, как будто эта мысль только что пришла ей в голову. – А что, идея. Может, нам в самом деле стоит обратиться в полицию? Мне кажется, их заинтересуют методы мистера Смита возвращать долги.

Предложение настроило пришельца на серьезный лад. Он наклонился так близко к Хэл, что во время ответа его слюна брызгала ей на лоб. Она заставила себя не двинуться.

– Очень, очень глупая идея, мисс Вестуэй. У мистера Смита множество друзей в полиции, и я думаю, они огорчатся, если услышат такие рассказы об одном из своих приятелей. Говоришь, ничего не подписывала? Ладно, дай подумать, что это значит, мисс Сообразительность. У тебя ни черта нет никаких улик. Тебе нечего предъявить полиции, кроме твоего слова против моего. Я даю вам неделю, чтобы найти деньги, и слышать не хочу всю эту лабуду, что вам негде их взять. Продайте что-нибудь, или украдите что-нибудь, или встаньте на углу и отсосите на заднем сиденье у подвернувшихся бизнесменов за двадцатку у каждого – мне плевать. Я хочу эти деньги ровно через неделю в это же время. Ты говоришь, у тебя ничего нет? А может стать еще меньше, радость моя. Намного меньше.

С этими словами он повернулся и одним движением смел все с полки позади стола, так что Хэл вздрогнула. Хрустальный шар на деревянной подставке, резные крашеные безделушки, глиняная кружка, которую она давным-давно сделала маме на Рождество, книги, чашки, стаканчик с китайскими палочками для гадания – все повалилось сначала на стол, а оттуда на пол.

– Упс, – бесстрастно сказал пришелец, и шепелявое «с» лишь прибавило язвительности. Развернувшись, он улыбнулся Хэл широкой улыбкой, обнажив редкие зубы. – Извини. Знаешь, я иногда неуклюж. Есть на моем счету и поломанные кости. Мно-ого костей. И выбитые зубы – как-то выбил целых три. Случайно. Но ведь бывают в жизни случайности, правда?

Хэл затрясло. Ей захотелось выбежать из офиса, кинуться к охраннику или забиться под вымокший настил пирса, пока не уйдет этот ужасный человек, но она не могла – не хотела – уступить. Не хотела показать свой страх.

– Ну, я пошел. – По пути к выходу пришелец, вынув руку из кармана, небрежно щелкнул по столу, отчего разлетелись карты, а чашка чая, стоявшая тут с утра, свалилась на пол. Холодный чай брызнул Хэл на лицо, и ее передернуло.

В дверях человек остановился и поднял воротник.

– До свидания, мисс Вестуэй. – Опять это шипящее, свистящее «с». – Увидимся на следующей неделе.

И вышел, хлопнув за собой дверью.

Хэл было холодно, но она долго стояла замерев, прислушиваясь к его затихающим на пирсе шагам. А затем словно что-то отключилось, она трясущимися руками задвинула засов входной двери и прислонилась к ней спиной, содрогаясь от облегчения и страха.

Эти деньги она взяла почти год назад. Теперь просто не верилось, что можно было быть такой идиоткой. Но в тот момент положение казалось безвыходным – приближалась зима, доходы падали, падали, и наконец наступила ужасная неделя, когда она заработала всего семьдесят фунтов. Соседи по пирсу,

пожимая плечами, говорили, такие, дескать, выдались недели – необъяснимо скверные. Но для Хэл это означало катастрофу. У нее не было ни накоплений, которые могли бы ее выручить, ни второй работы. Она опаздывала с внесением платы за квартиру, с оплатой счетов, она даже не могла покрыть аренду офиса. Чего она только не делала. Размещала рекламу, что сдает полкомнаты, но никто не хотел квартиру, где хозяйка спит в той же комнате. Пыталась найти подработку в баре, но время работы совпадало с часами открытия ее офиса, да и в любом случае, взглянув на ее жидкий послужной список, в большинстве мест, куда она обращалась, просто качали головой. Даже в центре занятости присвистнули, когда она сказала, что так и не окончила школу. Тот факт, что мама ушла из жизни за две недели до экзаменов, не засчитывался.

Пойди к родственникам, сказал один парень с пирса, попроси у друзей. И Хэл не знала, что ему ответить, не знала, как сказать, что она совсем одна. Да, она выросла в Брайтоне, у нее даже водились здесь друзья, до смерти мамы, но трудно было объяснить, как устрашающе быстро разошлись их жизни после этого. Она помнила, как появилась в школе после похорон, смотрела, как девчонки смеются над счетами за мобильный, над своими парнями, которых лишили водительских прав за какие-то мелкие проступки, и чувствовала, что она из другого мира. В то время Хэл часто представляла себе железную дорогу: прямые рельсы до самого горизонта, все предопределено – школа, университет, практика, карьера… А потом кто-то перевел стрелку, и ее понесло по другому пути. Теперь она просто пыталась выдюжить, оплатить счета, прожив один день, постараться прожить следующий. А ее друзья продолжали катиться по привычной колее, по которой пошла бы и Хэл, если бы не тот автомобиль, мчавшийся на бешеной скорости.

Времени на школу не было. И она ее бросила, переняла мамин офис и справлялась как могла. Она то пыталась все забыть, отстригая себе волосы, чтобы не видеть каждый день в зеркале мамину прическу, что приносило такую боль, или напиваясь до бесчувствия в дни, когда могла позволить себе алкоголь, то с болезненной дотошностью цеплялась за воспоминания, запечатлевая их в татуировках.

Сейчас она не тот человек, каким должна была быть. Девушка, которая раздавала карманные деньги бездомным, покупала на пирсе всякую ерунду, проводила воскресенья с попкорном в кинозалах, где показывали плохие фильмы, исчезла. Ее место занял какой-то сухарь, которому, чтобы выжить, пришлось засохнуть. Улыбчивая победительность прежней девушки, гуляющей

по пляжу, ушла в песок, но она нашла в себе совсем другую силу, которой до сих пор и не знала – холодную, жесткую решительность, заставлявшую ее морозным утром вставать и идти на пирс, даже когда из носа текло ручьями, а глаза были красными от слез. Внутренняя стальная сила, позволявшая ей двигаться дальше, а когда она слишком уставала, чтобы нормально идти, – переставлять ноги.

Она стала другим человеком. Человеком, который теперь отворачивался, проходя мимо нищих. Телевизор был продан, и по воскресеньям она никуда не выходила. Она чувствовала постоянную усталость от работы, да почти ото всего… а больше всего от одиночества.

Через несколько месяцев после похорон она увидела в центре Брайтона компанию старых друзей – они даже не узнали ее. Прошли мимо, продолжая говорить, смеяться. Она было повернулась и открыла рот, чтобы окликнуть их, но осеклась. Между ними разверзлась пропасть, слишком широкая, чтобы кто-то из них мог перекинуть мост. Они ничего не поймут в том человеке, которым она стала.

Хэл молча смотрела им вслед, а через несколько недель бывших друзей разбросало по университетам в разных городах по всей стране, по работам, карьерам, академическим отпускам, и больше она их не видела, даже издалека.

Но она не знала, как объяснить все это парню с пирса. Нет, только и ответила она, а горло туго перехватило от утраты и негодования на столь легковесную уверенность в том, что у каждого должен быть кто-нибудь, на кого можно опереться. Нет, этого я не могу.

Хэл не помнила точно, как ей пришло такое в голову, но как-то она услышала о человеке, предоставляющем займы, гарантии не требуются. Проценты высокие, однако кредитор довольствуется небольшими выплатами, а если ты на мели, даже позволяет пропустить неделю. Все неофициально – никаких тебе офисов, просто встречи там-сям и конверты с наличностью. Но казалось, ее молитвы были услышаны, и Хэл без колебаний воспользовалась этой возможностью.

Только через пять месяцев она додумалась спросить, какую часть долга уже выплатила.

Получив ответ, Хэл зашаталась. Она брала в долг пятьсот фунтов – вообще-то просила триста, но собеседник любезно предложил ей чуть бо?льшую сумму, чтобы выкарабкаться из трудностей.

Хэл выплачивала по несколько фунтов в неделю почти четыре месяца. И теперь долг составлял больше тысячи.

Хэл запаниковала. Она вернула кредиторам неистраченную часть изначального займа и подняла выплаты до того предела, какой только могла себе позволить. Но ее чересчур оптимистичные планы рухнули. Она не смогла удержать новую планку и после одной особенно неудачной недели на пирсе не уплатила еженедельного взноса, через месяц это повторилось. По мере того как ее выплаты становились все мизернее, звонки от коллекторов мистера Смита становились все агрессивнее, и Хэл наконец поняла: выхода нет.

Вскоре у нее осталась одна-единственная возможность. Она просто перестала платить. Перестала отвечать на звонки с неизвестных номеров. Перестала открывать дверь. И начала озираться по сторонам, когда по вечерам возвращалась домой. Она как могла утешала себя спасительной соломинкой: они не знают, где она работает. На пирсе она чувствовала себя в безопасности. И – до сегодняшнего дня – уговаривала себя, что их возможности не беспредельны. Отбирать у нее нечего, кроме того, она была почти уверена, что сама по себе сделка на грани законности. Маловероятно, что ее поволокут в суд.

Но теперь они ее выследили и терпение у них закончилось.

Когда Хэл, не переставая дрожать, отошла от двери, слова пришельца еще раздавались у нее в голове. Поломанные кости. Выбитые зубы. Хэл никогда не считала себя трусихой и не бахвалилась этим, но при мысли о том, как ботинок с носком из кованой стали стремительно приближается к ее лицу, как хрустит нос и крошатся зубы, ее невольно передергивало.

Так что же делать? Очередной заем не обсуждался. Ей просто не у кого просить – во всяком случае, у кого могла бы оказаться такая сумма. Что до номеров на углу улицы, которые предлагал пришелец… Хэл скривилась от непреодолимого отвращения. В Брайтоне процветала торговля подобного рода услугами, но такой степени отчаяния Хэл еще не достигла. Пока нет. Что остается? Воровать.

Перед вами два пути, правда, они извиваются, петляют… Вы хотите знать, по какому из них пойти…

Добравшись до дома, Хэл остановилась в подъезде и тихо постояла, прислушиваясь. Сверху не доносилось ни звука. Она поднялась по лестнице. Ее дверь была заперта, свет снизу не пробивался.

Однако, присмотревшись к замку, Хэл решила, что царапины на врезной полосе какие-то другие, как будто кто-то орудовал отмычкой. Или это уже паранойя? На всех замках царапины и зазубрины – все небрежно вставляют ключи и корябают металл.

Хэл повернула ключ в замке, и сердце забилось быстрее – она не знала, что обнаружит там, в квартире. Но когда дверь открылась и она нашарила на стене выключатель, то перво-наперво решила, что здесь волшебным образом ни до чего не дотрагивались. Почта там же, где она ее оставила, – на столе. Вот ноутбук. Ничего не сломано, ничего не украдено в счет погашения долга.

Сердцебиение выровнялось. Закрыв за собой дверь, заперев ее на два оборота и стряхнув пальто, Хэл выдохнула – это было не в полном смысле облегчение, но что-то сродни. И только подойдя к кухонной стойке, чтобы поставить чайник, она заметила одну странность.

Кучка пепла в раковине. Его точно там не было, когда она уходила. Как будто здесь жгли лист бумаги… Или два. Присмотревшись, Хэл различила на нерассыпавшемся обуглившемся клочке серебристые буквы на черном фоне: …ше финан…, – прочитала она, а внизу: …воним…

Она поняла, что это, даже не обернувшись на кофейный столик, где рядом со счетами аккуратно разложила письма от мистера Смита. Она знала, что они исчезли, еще прежде чем обернулась. И все-таки кинулась проверять. Отпихнув стопку с «последними предупреждениями», она отчаянно искала эти письма, надеясь, что их сдуло на пол, когда она открывала дверь. Тщетно. Письма испарились, а с ними и единственная улика, которую она могла предъявить полиции.

И тут Хэл, пошатнувшись, заметила еще одну странность. Фотография с камина – она с мамой, рука в руке, на брайтонском берегу, с взметнувшимися на морском ветру волосами. Ее не было.

Она сделала шаг к полке, где стояла фотография, и под ногами что-то хрустнуло. Хэл опустила глаза. Рамка снимком вверх валялась в камине, стекло раздроблено ударом ботинка, снимок расцарапан и порван – его давили каблуком.

Руки задрожали, взгляд поплыл. Хэл с усилием подняла фотографию, прижала к груди, как маленькое раненое животное, и принялась снимать с бумаги осколки стекла. Особого смысла в этом не было. Снимок был безнадежно испорчен, смеющиеся лица девочки и ее мамы исчезли навсегда.

Она не будет плакать. Ни за что. Да и помимо боли в ней поднялось что-то большое, горькое, неукротимое. Несправедливость жгла, как уксус в горле. Ей захотелось выплеснуть ее вместе с воплем, от подлости она готова была кричать. Из сердца рвались слова: Я хочу свой шанс. Хоть раз я хочу получить свой шанс и пойти своим путем.

Не сознавая, что делает, Хэл под грузом навалившихся бед опустилась на колени и свернулась калачиком на осколках стекла, вжав голову, подобрав колени к животу, словно чтобы сделаться как можно меньше, как можно надежнее защититься. Но защиты больше не было, не было никого, кто бы мог прижать ее к себе, вынести мусор, заварить чашку горячего чая. Все вопросы придется решать самой.

Когда она начала собирать стекло, осторожно сметая осколки рукавом, в голове зазвучал голос Рега, его уютное кудахтанье на кокни. Если кто и заслуживает шанса, так это ты, дорогуша. Бери деньги, которые тебе предложат, и беги, вот тебе мой совет. Бери деньги и беги.

О, если бы… Хэл стряхнула стекло в мусорное ведро, следом полетели клочки фотографии.

Перед вами два пути, правда, они извиваются и петляют… Вы хотите знать, по какому из них пойти…

Не отдавая себе отчет в том, что делает, Хэл достала из кармана телефон и открыла страницу с расписанием поездов.

1 декабря.

07.00.

Брайтон – Пензанс, обратно.

Нажала.

Если кто и выцарапает эти деньги, так это ты.

Когда на экране появились цены на билеты, она невольно вздрогнула. Денег, что у нее в кармане, не хватит на дорогу. Даже в один конец. А кредит исчерпан. Но может быть… может быть, если интернет-сайт не свяжется с ее банком… Она достала банковскую карту, ввела номер и затаила дыхание… Волшебным образом платеж прошел.

Но Хэл не до конца верила в удачу, пока телефон не завибрировал, сигнализируя о получении письма. Здесь все, что вам нужно для поездки в Пензанс, прочла она, а номер билета внизу подтверждал, что покупка совершена.

В животе что-то ухнуло, как будто она плыла на теплоходе по бурному морю и под судном опустилась волна. Неужели она в самом деле готова на это? А что взамен? Ждать, когда приспешники мистера Смита нанесут ей повторный визит?

Я вроде как наследница тайного состояния.

Слова, которые она сказала Регу, раздавались в ушах полунасмешкой-полуобещанием. Хэл встала, тело затекло; после того как сошел адреналиновый страх, мышцы налились усталостью.

А может, это правда. А если нет, может, ей удастся сделать так, что это станет правдой. Нужно только самой поверить.

По дороге в спальню она говорила себе, что тут же ляжет спать. Но вместо этого достала со шкафа обтрепанный мамин чемодан и начала укладывать вещи. Шампунь, дезодорант. Это первым делом. С одеждой сложнее. Черное не проблема – больше половины вещей Хэл были серыми или черными. Но не могла же она появиться на похоронах незнакомого человека в драных джинсах и футболке. Предполагается платье, а оно у нее всего одно.

Хэл вытащила платье из нижнего ящика шкафа, куда засунула его три года назад, после похорон мамы, а маму хоронили в солнечный июньский день. Приличное, но слишком уж летнее для декабря – дешевый прозрачный хлопок, короткие рукава. Можно надеть с колготками, хотя ее единственные колготки поползли на бедрах. Хэл натянула их на руку, проверяя дыру, и осторожно закрепила спустившуюся петлю капелькой лака для ногтей. Оставалось надеяться, что это сработает.

Еще пара футболок, толстовка и ее последние поношенные джинсы. Запасной лифчик. Несколько трусиков. Наконец, бесценный ноутбук и пара книжек.

Осталось только удостоверение личности, и с этим сложнее всего. Его непременно попросят, и в письме сказано, чтобы она взяла его с собой. Проблема в том, что Хэл не имеет ни малейшего представления, что им известно. Полную метрику нельзя брать ни в коем случае, но вот можно, например, паспорт или сокращенный вариант метрики – ни там, ни там родители не упоминаются. Оба документа просто подтверждают то, что им и так известно, – имя Хэл. Загвоздка в том, что там указана еще и дата рождения.

Если в Пензансе ожидают человека тридцати пяти лет, все будет кончено, стоит им ее увидеть, и паспорт не понадобится. Но Хэл надеялась, что ее облик сгодится на пятнадцать – двадцать пять, даже тридцать. Если только Эстер Вестуэй не слишком рано вышла замуж и тут же не нарожала детей, есть шанс, что женщина, которую ищут, именно в этом возрастном диапазоне. Но если в адвокатских бумагах значится, что ребенок родился в декабре девяносто первого, а Хэл предъявит паспорт, из которого следует, что она родилась в мае девяносто пятого…

Она опять достала письмо из Пензанса и перечитала, какие принимаются документы, удостоверяющие личность. Второй пункт – адрес – проблемы не составлял. В письме значились Счета за коммунальные услуги. Этого добра у нее выше крыши. И вряд ли они могут сказать адвокатам что-то новое.

Хэл опять достала из-под кровати ящик и принялась искать конверт, который прежде отбросила в сторону. Найдя, сразу перешла от маминой метрики к своей, внизу. Вот полная, а под ней… да, сокращенная. Имя: Хэрриет Маргарида Вестуэй, – было написано там. – Дата рождения: 15 мая 1995 г. Пол: женский. Место рождения: Брайтон, Восточный Сассекс.

Если им не известна дата рождения, все просто – остается только предъявить свои подлинные документы.

Если… Хэл внимательно осмотрела документ, подержала его на свет, проверяя бумагу. Это не был очень замысловатый экземпляр: бумага имела водяные знаки, но на первый взгляд, сверху, они были не видны, чернила казались самыми обычными. Потратив какое-то время, повозившись со сканером и подлинным документом, возможно, ей удастся смастерить что-то более-менее убедительное.

Сгибы были старые, мягкие; Хэл аккуратно их разгладила и положила метрику во внутренний карман чемодана, к счетам за коммунальные услуги.

Она уже собиралась застегнуть молнию на чемодане, как вдруг на секунду застыла и потянулась к тумбочке у кровати, где стояла маленькая жестяная коробочка – видавшая виды, с облупившейся краской. Когда-то в ней хранился «Голден Виргиния», но запах табака давным-давно выветрился.

Открыв коробку, Хэл прикоснулась пальцами к картам, водя по обтрепанным краям, по нежной гибкости состарившегося картона, глядя на знакомые картинки, замелькавшие, когда она пересыпала карты из одной руки в другую, – лица на рисунках внимательно смотрели на нее.

Подчинившись внезапному импульсу, она перевернула колоду и, не перемешивая, один раз сняла. При этом она закрыла глаза, держа в голове один-единственный вопрос.

Опять открыв глаза, на карте в ладони Хэл увидела молодого человека. Он стоял посреди урагана, по небу мчались тучи, внизу бушевало море. Над головой он занес меч, готовый нанести удар. Валет Мечей. Действие. Ум. Решимость.

Если бы Хэл гадала клиенту, она бы знала, что сказать. Мечи – это масть разума, мысли, анализа, а валет – карта энергии и решительности. Посреди бурных вод валет поднял меч. С какой бы трудностью человек ни столкнулся на пути, он готов ее встретить, и с ним всем придется считаться. В таро не бывает ничего определенного, это не зеленый свет, сказала бы она клиенту. Но именно валет Мечей, может быть, наиболее близок к этому значению.

Однако за рутинным толкованием ей слышался голос мамы, которая не уставала повторять: Не верь сама, никогда не верь своей болтовне. Актер, утративший ощущение реальности, писатель, поверивший собственной лжи, – уже проиграли. Это всего лишь фантазии, никогда не забывай об этом, как бы тебе ни хотелось верить.

В словах была коварная правда – склонность к подтверждению своей точки зрения, так хорошо знакомая неверам, ученым и особенно психологам. Она хотела верить в то, что говорил ей валет Мечей. Хотела верить, что он дает ей зеленый свет, даже когда сложила вместе две половины колоды и положила ее обратно в коробочку, закрыв крышку.

Чистя зубы в крошечной ванной и глядя на собственное отражение, слегка мутное, непривычное без очков, Хэл сказала себе: Необязательно решать сейчас. Утро вечера мудренее. Ничего непоправимого еще не случилось. Но, выходя из ванной, она прихватила с собой зубную щетку. Поеживаясь от холодного ветра, задувавшего в сквозившее окно, с минуту она нерешительно постояла возле кровати, а затем почти демонстративно сунула щетку в открытый чемодан, резко чиркнула молнией и забралась под одеяло.

Прошло много времени, прежде чем Хэл отложила книгу, и еще больше, прежде чем уснула. А когда уснула, во сне над ней стоял молодой человек с поднятым мечом.

Глава 8

Таро Хэл научила мама, она запомнила изображения на картинках, еще прежде чем начала ходить, – улыбающаяся Жрица, строгий Жрец, жуткая Башня, где томятся погибшие души. И довольно часто, когда не было занятий в школе, а

мама не могла найти никого, чтобы с ней посидеть, маленькая Хэл ходила в ее офис на пирс. Она тихо сидела за занавеской с книжкой, слушая, как мама ловко нащупывает верный ответ, и потихоньку, сама того не ведая, стала понимать ее тактику – то, как она задает наводящие вопросы, элегантно подбирает варианты. Брат… – клиент смущенно покашливает. Нет, подождите, кто-то вроде брата. Друг? Родственник?

Она училась, до какого предела можно говорить общо, когда лучше подать назад, если забуксовала. Запоминала, как мама никогда не настаивала на своем, если клиент упорно качал головой, как меняла тактику, как могла вдруг невозмутимо заявить: Впрочем, толкование этого образа я предоставляю вам. Возможно, его значение придет к вам позже, а может быть, это предупреждение на будущее.

Она много впитала, даже не прилагая для этого особых усилий. Но заняться гаданием самой… это, знаете ли, совсем другое дело.

Однако у нее не было выбора. Вскоре после ее восемнадцатилетия, в жаркий летний день, прямо у дома, мама погибла под колесами умчавшегося автомобиля, водителя так и не нашли. Хэл шатало от горя, и она сломалась.

Несколько недель спустя к ней пришел управляющий пирса мистер Уайт с предложением, даже не лишенным любезности: он сказал, что предоставляет ей выбор: отказаться от офиса или вести его самой. Но в разгар сезона место пустовать не может. Если она хочет, чтобы офис перешел ей, нет ничего проще. Однако тогда пора приниматься за дело. Стоял июнь, по пирсу днем и вечером сновало множество народу, и закрытые будки никому не сулили ничего хорошего.

И Хэл взяла мамины карты, включила неоновую вывеску и сама стала мадам Маргаридой.

С постоянными клиентами было легко. Она видела, как мама регулярно им гадала, слышала оброненные фразы о непостоянных мужьях, раздражительных начальниках, трудных детях. Со случайно забредавшими пьянчугами тоже было не так плохо, тут она могла блефовать напропалую, к тому же это, как правило, были отдыхающие, которые скоро уезжали навсегда.

Нет, беспокоили ее те, кто записывался на прием. Кто платил за целый час консультации, звонил заранее удостовериться, что она на месте.

С такими Хэл опускалась до того, чего никогда не позволяла себе мама. Жульничала. Ужас, сколько всего можно узнать в Интернете. До смерти мамы Хэл не пользовалась «Фейсбуком», но в те первые, полные неопределенности дни она создала аккаунт на вымышленное имя, взяв безобидную фотографию блондинки из «Гугл-картинок» и назвавшись Лил Смит.

Имя она выбрала сознательно. Оно могло быть сокращением от Лили, Лайла, Лилиан, Элизабет и множества других имен. Фамилия Смит была проста, как и непритязательная миловидность девушки.

Поразительно, с какой готовностью люди принимают предложение дружить от человека, которого никогда не видели, но часто ей не приходилось делать даже этого, так как режим конфиденциальности был настроен на открытость всем и каждому и она узнавала о семье клиентов, их работодателях, образовании, родном городе, не выходя из дома.

Когда поезд запыхтел на запад, Хэл открыла ноутбук и занялась Вестуэями, правда, живот у нее при этом сводило нервными судорогами.

Первое, что она нашла, было сообщение в «Курьере Пензанса» о смерти Эстер Мэри Вестуэй, родившейся 19 сентября 1930 года и умершей 22 ноября 2016 года в Клауз-Корт, что в Сент-Пиране. В коротком некрологе говорилось, что миссис Вестуэй была вдовой Эразма Хардинга Вестуэя, которому родила троих сыновей и одну дочь. Скорбят сыновья Хардинг, Абель и Эзра Вестуэи, а также внуки, – писала газета.

И что, предполагается, что она дочь одного из этих господ?

Ни Абель, ни Хардинг не оказались большими любителями «Фейсбука», но найти их сложности не представляло. Всего по одному результату на каждого. Хардинг с готовностью указывал своим родным городом Сент-Пиран и теговал своего брата Абеля. Когда Хэл пролистывала его аккаунт, разглядывая фотографии свадеб, крестин, семейных праздников и школьного детства, ком стоял у нее в горле. Она рассмотрела также жену Хардинга Митци Вестуэй (урожденную Паркер) и троих детей – Ричарда, Катерину и Фредди, от двенадцати до

пятнадцати.

Абель был значительно моложе, приятный мужчина с аккуратной русой бородкой и волосами цвета темного меда. Его матримониальный статус был не очень понятен, но, просматривая фотографии в аккаунте, на многих Хэл заметила симпатичного голубоглазого мужчину, который именовался Эдвардом. В теге была фотография, где друзья гуляют по Парижу на День святого Валентина в 2015 году, и еще одна с какого-то торжественного мероприятия, где они, оба в черных галстуках, держатся за руки. Абель улыбался другу с какой-то затаенной гордостью. Прием в пользу сирот с Филиппин, – гласила подпись.

Оба аккаунта прямо-таки сочились уверенностью и благосостоянием, и у Хэл от тоскливой зависти заныло сердце. Она не увидела ничего сногсшибательного – никаких яхт, круизов по Карибскому морю. Но вскользь упоминались поездка в Венецию, лыжи в Шамони, частные школы, налоговое планирование; на слайд-шоу мелькали дети верхом на пони, внедорожники и снаряжение для поло, а в избранном пестрило от ресторанных блюд и семейных встреч.

Об Эзре не было ни слова.

Судя по «Фейсбуку», и у Абеля, и у Хардинга могли быть дети старше двадцати, но внимание Хэл привлекла отсутствующая дочь. Скорбят сыновья. А что случилось с дочерью?

Не зная имени, выяснить это было невозможно, а ни Хардинг, ни Абель сестру не упоминали. Коротко подумав, Хэл, а точнее, Лил Смит отправила предложение о дружбе старшему сыну Хардинга, Ричарду Вестуэю. Она сознательно выбрала не Абеля. У того всего девяносто три друга, и он не производил впечатления человека, который принимает непрошеные предложения о дружбе от незнакомых девушек. С Хардингом дело обстояло еще хуже – у него было всего девятнадцать друзей, и, похоже, он не заглядывал в «Фейсбук» почти четыре месяца. А вот у Ричарда было пятьсот семьдесят шесть друзей, и он только что запостил последнюю фотку на автозаправке под Эксетером.

Хэл только открыла другое окно, как замигало сообщение: Ричард принял ее предложение. Она вошла в его аккаунт и лайкнула первую попавшуюся фотографию – чумазый Ричард размахивает какой-то чашкой. Под фотографией

написано: ОПЯТЬ обули Св. Варнаву в регби. Не иначе как у них блуждающий полузащитник – девчонка с волосатым лицом [задумчивый эмодзи]. Хэл закатила глаза и вернулась к поиску.

В кадастровом реестре она не нашла ничего об имении Трепассен, а в списках Регистрационной палаты там не значились никакие фирмы. Такого названия не было также ни в списке домов престарелых, ни в списке инспектируемых заведений общепита. Все говорило за то, что Трепассен – просто частная собственность. Но в «Картах» «Гугла» Хэл его нашла и открыла сначала в «Гугле» «Планета Земля», а потом в режиме просмотра улиц. Последний оказался малоинформативен, она разглядела лишь сельскую дорогу, вдоль которой тянулась длинная кирпичная стена, сзади облепленная тисовыми деревьями и рододендронами, заслонявшими все остальное. Хэл «прошлась» по дороге пару миль в обоих направлениях и в конце концов наткнулась на кованые железные ворота, которые высились прямо посреди дороги, но снимок был сделан не под тем углом, и дома вообще было не увидеть. Она вернулась на «Планету Земля».

Нечеткое изображение было к тому же слишком мелким, чтобы рассмотреть что-то, кроме крыши с фронтонами и обширной огражденной территории имения, где газонное покрытие перемежалось деревьями. Больше ничего увидеть не удалось, но во всяком случае, Хэл поняла, что имение большое. Очень большое. Скорее дом-музей. У этих людей есть деньги. Серьезные деньги.

– Ваш билет, пожалуйста, – ворвавшись в мысли, произнес голос над плечом, и, подняв голову, в соседнем отсеке Хэл увидела кондуктора в форме. Она достала из кошелька билет. – Домой на выходные? – поинтересовался кондуктор, компостируя билет, и Хэл, собравшаяся было покивать, вдруг передумала. Рано или поздно ей придется войти в эти воды.

– Нет, я… я еду домой на похороны.

– О, простите. – Кондуктор протянул билет. – Кто-то близкий?

Хэл сглотнула. Под ней разверзалась земля. Это просто игра, роль, сказала она себе. Ничем не отличается от того, что ты играешь каждый день. У нее перехватило горло, но она сумела выдавить:

– Бабушка.

В первую секунду эти слова показались тем, чем и являлись, – враньем. Но затем она соорудила на лице выражение… не скорби – это было бы слишком, – но некоей торжественной печали. И по телу прошла волна озноба, такой же озноб она чувствовала, когда впервые включила вывеску на офисе и начала представляться гадалкой.

– Весьма соболезную вашей утрате, – сказал кондуктор и, прежде чем пройти в следующий вагон, строго кивнул.

Хэл засунула билет в почти пустой кошелек, и тут поезд нырнул в туннель, отчего погас свет, так что какое-то время единственным источником освещения был экран ноутбука, да еще искры, выбиваемые колесами, шарашили молниями по почерневшим кирпичам туннеля.

Экран ноутбука светился изумрудом: необъятные газоны, узкая петляющая дорога… И вдруг Хэл захлестнуло бешенство. Как у одной семьи, у одного человека может быть так много? На территории Трепассена можно поселить не только целый дом Хэл, но всю улицу, да еще почти всю соседнюю. Подстричь газон стоит, наверно, больше, чем она зарабатывает за месяц. Да только ли это. Пони, поездки… И легкое отношение ко всему, как к чему-то само собой разумеющемуся. Разве правильно, что у одних людей так много, когда у других так мало?

Помигав, снова зажегся свет, и выскочило еще одно сообщение с «Фейсбука». Еще одно обновление Ричарда. Хэл нажала, и на весь экран открылась фотография: Ричард с семейством на фоне стены, выстеленной деревянными панелями, все гордо сияют. Хардинг с такой силой обнимает сына, что тот даже слегка скособочился.

Ричард разместил в избранном, гласила надпись, и, приблизив глаза, Хэл прочла: Вручение премий в Сент-А. У ма так зашкаливает гордость за сына, што как бы чево ни расколошматила. Па только што потвердил што наша сделка в силе – пять сотен за сданную математику и – ПРИВЕЕЕЕТ, Ибица!

Когда поезд выехал из туннеля на дневной свет, у Хэл опять свело живот, но теперь она знала, что назад уже не повернет.

Потому что спазмы свидетельствовали не только о переживаниях. И не только о зависти. Это было своего рода возбуждение.

Глава 9

Было около трех, когда поезд почти бесшумно затормозил в Пензансе. Хэл остановилась под большими часами, что висели над перроном, и, погрузившись в вокзальную гулкость, попыталась понять, что делать.

Наверху она увидела знак такси и, повесив на плечо сумку, двинулась по стрелочке к очереди перед зданием вокзала. Но в нескольких футах от надписи Очередь здесь остановилась и залезла в кошелек.

После сандвича, купленного в поезде – самого дешевого: яйца и кресс-салат, один фунт тридцать семь центов, – у нее осталось тридцать семь фунтов и пятьдесят четыре цента. Хватит этого, чтобы доехать до Сент-Пирана? А если да, как она доберется обратно?

– Ты на такси, сынок? – услышала она голос сзади и подскочила, но, обернувшись, никого не увидела. Только когда из машины высунулась голова, она поняла, что вопрос был задан таксистом.

– О, простите. – Она засунула кошелек обратно в сумку и подошла к машине. – Да, на такси.

– Извини, любовь моя. – Водитель покраснел, когда она подошла поближе. – Не разобрал. Это все твои короткие волосы, понимаешь.

– Ничего страшного, – честно ответила Хэл. Такое случалось слишком часто, чтобы расстраиваться. – Послушайте, вы можете мне сказать, сколько будет стоить доехать до церкви в Сент-Пиране? У меня при себе не очень много наличных.

И не при себе тоже, подумала она, но вслух не сказала. Водитель, отвернувшись, принялся вбивать что-то в экран на панели приборов – то ли в навигатор, то ли в телефон, решила Хэл, хотя уверена не была.

– Примерно четвертной, дорогуша, – довольно быстро ответил он.

Хэл вздохнула. Так и есть. Если она сейчас сядет в такси, то окажется на мели – пути назад не будет, если только не найдется какой-нибудь благодетель на том конце маршрута. Ее опять одолели сомнения. Неужели она действительно пустится в эту авантюру?

– С третьего пути отправляется поезд четырнадцать сорок девять в Лондон-Паддингтон. Поезд следует с опозданием, – произнес металлический голос диспетчера, ворвавшись в ее мысли подобно высшей силе, еще раз напоминающей о том, что не обязательно ступать на этот путь, что можно просто развернуться и сесть на поезд, который отвезет домой.

Где через шесть дней ее будет ждать мистер Смит…

Если кто и выцарапает эти деньги, так это ты.

– Эй, ты меня слышишь? – спросил таксист. Благодаря корнскому выговору прозвучало не так резко, как у какого-нибудь брайтонского водителя. – Примерно четвертной, говорю, устраивает?

Хэл еще раз глубоко вздохнула и обернулась на здание вокзала. Вспомнила картинки из «Фейсбука» и «Гугла» – раскинувшееся имение, поездки за границу, машины, дизайнерская одежда… А потом – изуродованную каблуком фотографию. Разбитые безделушки в офисе, страх, который охватил ее, когда зажглась лампа с красным абажуром… Задумалась, что бы она отдала за пару тысяч фунтов из наследства, всего пару тысяч, которых не хватило бы ни на одну из этих машин – может, только на колеса.

У них уже все есть. Им не нужно больше денег.

Опять появилось ощущение, что внутри сжимается что-то острое и твердое, причиняя пылающую боль, которая, остывая, переходит в шаткую решимость.

Если она проиграет, то останется ни с чем. Значит, нужно постараться не проиграть.

– Хорошо.

Водитель потянулся назад и открыл заднюю дверь. С чувством, будто она прыгает со скалы, Хэл запихнула мамин чемодан и забралась следом.

– Похоже на похороны, – произнес голос с переднего сиденья, и Хэл, вздрогнув, подняла голову.

– Простите, вы что-то сказали?

– Я говорю, похоже на похороны, – повторил водитель. – В церкви. Вам туда? Родственник, да?

Сквозь сильный дождь, зарядивший, когда они выехали из Пензанса, Хэл всмотрелась в окно. Ей удалось с трудом различить небольшую каменную церковь, угнездившуюся с края поля на фоне серых туч, и немногочисленную стайку участников погребения у входа на кладбище.

– Да, – еле слышно ответила она, а когда водитель приложил руку к уху, громче повторила: – Да, мне туда. Это… – Хэл помедлила, но во второй раз вышло легче. – Это моя бабушка.

– А-а, соболезную, дорогая, – сказал таксист, снял плоскую кепку и положил на соседнее сиденье.

– Сколько я вам должна? – спросила Хэл.

– Двадцати хватит, милочка.

Кивнув, Хэл отсчитала на маленький подносик между сиденьями одну десятифунтовую банкноту, две по пять и замялась. А может она позволить себе чаевые? Затаив дыхание, она пересчитала оставшиеся в кошельке монеты, соображая, как доберется от церкви до имения. Но с ее места был виден

счетчик, и на нем светилось – 22.50. Черт, он берет с нее меньше. Чувствуя себя виноватой, она положила на подносик еще один фунт.

– Большое спасибо, – сказал таксист, сгребая деньги. – Осторожнее под дождем, дорогуша. В такой день недолго и собственную смерть подхватить.

Слегка вздрогнув от этих слов, Хэл в ответ лишь кивнула, открыла дверь и вылезла под проливной дождь.

Когда такси отъехало, выбивая из-под колес фонтаны брызг, Хэл с минуту постояла, пытаясь справиться с чемоданом. Дождь залепил стекла очков, и она в конце концов сняла их, чтобы рассмотреть сквозь ливень кладбищенские ворота и маленькую серую церковь, сгорбившуюся у подножия скалы. Кладбище огораживала низкая каменная стена, за которой Хэл, конечно, очень смутно, но разглядела темный пролом в земле. Судя по форме, почти наверняка это открытая могила в ожидании гроба женщины, которую она собиралась обмануть.

На какой-то момент Хэл овладело почти непреодолимое желание развернуться и бежать – не важно, что до ближайшего вокзала тридцать миль, не важно, что у нее нет денег, а дешевое черное пальто и туфли совсем не по погоде.

Но пока она раздумывала, ее похлопала по плечу чья-то рука, и, резко обернувшись, она увидела перед собой невысокого человека с аккуратной седой бородкой, который смотрел на нее сквозь запотевшие от дождя очки.

– Здравствуйте, – сказал он со странной смесью робости и уверенности. – Я могу помочь? Мое имя Тресвик. Вы на похороны?

Хэл торопливо нацепила очки, но они не помогли ей узнать лицо. Правда, при имени Тресвик прозвенел звоночек, и Хэл лихорадочно принялась перебирать в голове имена, но потом с облегчением и одновременно тревогой вспомнила.

– Мистер Тресвик! Вы мне писали! – воскликнула она, протягивая руку. – Я Хэл, то есть Хэрриет Вестуэй. – В конце концов, в таком виде это не вранье.

Повисла пауза. Живот у Хэл опять свело спазмом. Наступил момент истины – или первый из множества. Если искомой Хэрриет Вестуэй тридцать пять, или она блондинка, или шести футов ростом, все было кончено, не начавшись. Тогда она может попрощаться даже с мыслью зайти в церковь, не говоря уже о наследстве, и отправится обратно в Брайтон тем же поездом, с прохудившимся кошельком и заметно уязвленным самолюбием.

А мистер Тресвик все молчал, только качал головой, и в животе у Хэл что-то оборвалось. Господи, все пропало. Все-все-все пропало.

Но вдруг, прежде чем она успела сообразить, что сказать, адвокат заключил ее руку в свои руки, окутанные теплыми кожаными перчатками.

– Ну вот и славно, вот и славно… – Он качает головой, потому что не верит, решила Хэл. – Вот чудеса так чудеса! Как я рад, как рад, что вы приехали. Я не был уверен, что письмо дойдет вовремя. Должен признаться, вас непросто было найти. Ваша мать… – Вдруг адвокат решил, что разговор заходит не туда, и, осекшись, попытался скрыть смущение, сняв и протерев очки. – Ну, впрочем, теперь это уже не имеет значения, – продолжил Тресвик, снова водрузив очки на нос. – Скажем просто, нам здорово повезло, что мы вовремя вас отыскали. И я так рад, что вы нашли возможность приехать.

Ваша мать… В океане неизвестности эти слова показались Хэл чем-то, на что можно опереться, деталью, на которой она может попытаться что-то выстроить. Значит, она думала в правильном направлении: связующим звеном является дочь миссис Вестуэй.

– Разумеется, – ответила она и даже выдавила улыбку, хотя челюсти у нее намертво сцепило от холода. – Я тоже оч-чень р-рада.

– О, да вы дрожите, – с беспокойством заметил Тресвик. – Позвольте мне провести вас в церковь. Совершенно несносный день, и, боюсь, в Святом Пиране не топят, так что внутри ненамного лучше. Но по крайней мере там сухо. Вы уже?.. – начал он, но в этот момент они дошли до ворот, адвокат открыл их и, отойдя в сторону, пропустил Хэл.

– Я уже – что?.. – переспросила она, когда они на секунду остановились под навесом.

Тресвик опять надумал протереть очки – зря, решила Хэл, посмотрев на дорожку, по которой им предстояло пройти до церкви.

– Вы уже виделись с дядьями? – осторожно спросил адвокат, и, несмотря на промозглый день, Хэл вдруг стало тепло у сердца. Дядья. У нее есть дядья.

Да нету у тебя никого, строго сказала она себе, пытаясь отогнать возникшее ощущение. Они тебе не родственники. Но думать так было нельзя. Если она хочет чего-то тут добиться, нельзя только делать вид, надо хоть чуть-чуть поверить.

Однако что же ей сказать? Как ответить на вопрос? Хэл замерла, стараясь что-нибудь придумать, а потом вдруг до нее дошло, что она уже довольно долго таращится на мистера Тресвика. Невысокий человек тоже смотрел на нее – озадаченно.

– Нет, – произнесла она наконец. В общем, чего тут ломать голову? Никакого смысла делать вид, будто знаешь людей, которые в двух шагах и изобличат тебя в ту самую секунду, как увидят своего адвоката. – Нет, мы не встречались. Если честно… – Хэл закусила губу, соображая, все ли делает правильно, но, несомненно, по возможности лучше говорить правду. И она быстро закончила: – Если честно, я и не знала, что у меня есть дядья, пока не получила ваше письмо. Моя мать никогда о них не рассказывала.

Мистер Тресвик ничего не ответил, только опять покачал головой, и Хэл не поняла, означает ли этот жест спокойное принятие к сведению или смущенное сомнение.

– Двинулись? – спросил он наконец, подняв глаза на свинцово-серое небо. – Не думаю, что дождь вообще пройдет, так что придется пробежаться.

Хэл кивнула, и они торопливо прошли расстояние от ворот до церкви.

У входа Тресвик, пропуская Хэл, опять протер очки и потуже затянул пояс макинтоша, но, уже проходя за ней следом, по-собачьи повел головой и обернулся на звук мотора.

– А-а, простите меня, Хэрриет, кажется, это погребальный кортеж. Присядьте. Я могу вас здесь оставить?

– Конечно, – ответила Хэл, и адвокат нырнул в дождь, предоставив ей зайти в церковь самостоятельно.

Дверь лишь приоткрыли, чтобы не впускать в помещение проливной дождь и ветер, но Хэл первым делом обратила внимание не столько на холод, сколько на то, что церковь почти пуста. На скамьях вразброс сидело несколько человек. Хэл сначала решила, что те, кого она увидела еще из такси, – опоздавшие, торопящиеся присоединиться к остальным, но теперь поняла, что больше-то никого и нет.

На второй скамье спереди сидели три весьма пожилые женщины, подальше мужчина лет сорока, похожий на бухгалтера, а у входа, словно чтобы проще было улизнуть, если служба затянется, женщина в облачении патронажной сестры.

Хэл осмотрелась, пытаясь сообразить, куда лучше сесть. Существует какой-то особый похоронный этикет? Она попыталась вызвать в памяти панихиду по маме в брайтонском крематории, но вспомнить ей удалось только маленькую капеллу, забитую коллегами с пирса, соседями, благодарными клиентами, старыми друзьями, людьми, которых она даже не знала, но жизнь которых пересеклась с жизнью мамы. Они теснились сзади, вжимаясь в стену, чтобы дать место тем, кто приходил еще, и Хэл увидела, как Сэм, торговавший фиш-энд-чипс, уступил место пожилой соседке с Живописных вилл. Кто-то придержал для Хэл место впереди, но, в общем-то, она понятия не имела, по какому принципу они расселись и существует ли на похоронах какая-то иерархия.

Однако каковы бы ни были правила, несомненно, ранг незнакомого с усопшим скорбящего не мог быть высоким. И она села поближе к выходу, хотя и не столь явно, как бухгалтер и медсестра – на пару рядов впереди них, справа. По очкам еще ползли высыхающие капли дождя, и она сняла их, чтобы протереть, стараясь унять дрожь и прислушиваясь к шороху ног, стуку дождя по крыше, покашливанию женщин впереди.

У Хэл имелось всего два пальто – потертое кожаное она практически не снимала, а темный мамин макинтош был ей велик. Кожаное пальто, конечно, черное, но

для похорон оно не годилось, и Хэл взяла макинтош. В поезде она не мерзла, но в какой-то момент продолжительной жизни пальто его водонепроницаемость приказала долго жить, и за короткую пробежку из такси ткань вся пропиталась влагой. Теперь она сидела в холодной церкви и чувствовала, как ей затекает за шиворот. Хэл посмотрела на посиневшие руки, лежавшие на коленях, и засунула их в карманы тонкого пальто, чтобы пальцы не тряслись от холода. В глубине одного кармана занемевшая рука нащупала что-то круглое и шершавое. Хэл вытащила комок из кармана и улыбнулась. Перчатки. Будто подарок от мамы.

Она как раз надевала их, когда невидимый органист издал первый громоподобный звук и двери церкви распахнулись, впустив порыв ветра, разметавший по нефу тонкие листы с богослужебными текстами. Первым шел священник, или викарий, Хэл не поняла, а за ним четыре человека в черных костюмах несли узкий темный деревянный гроб.

Мужчину сзади слева она узнала сразу, это был Тресвик. Он снял плащ, под которым оказались костюм и галстук. Ему досталось, так как он был ниже ростом трех других мужчин, и, чтобы гроб не перекосило, ему приходилось держать свой угол выше, чем, очевидно, было удобно.

Спереди справа шел лысеющий человек лет пятидесяти, и Хэл узнала Хардинга Вестуэя. Она пристально всмотрелась в круглое щекастое лицо, бесцветные тонкие волосы, силясь запечатлеть их в памяти. У него был вид человека, который плотно поел, но не может остановиться и продолжает забрасывать в рот орешки, сыр, фрукты, чтобы потом жаловаться на скверное пищеварение. В нем было какое-то самодовольство и одновременно неуверенность. Странное сочетание. Хардинг чуть застенчиво поправил волосы, словно почувствовал на себе оценивающий взгляд Хэл.

Слева от него шел бородатый человек с каштановыми волосами, уже седеющими на висках. Этот был слишком похож на Абеля Вестуэя, чтобы Хэл поняла: четвертый из несущих гроб – третий сын, Эзра.

Он был моложе остальных и в отличие от светлокожих и светловолосых братьев имел темную шевелюру и смуглую кожу. Он единственный во всей церкви удосужился надеть на лицо маску старательной скорби, однако, проходя мимо Хэл, улыбнулся кривой улыбкой Чеширского кота, что ее потрясло, настолько эта улыбка была не к месту и не ко времени. Смутившись, она отвернулась, сделав вид, что не заметила, и стала смотреть вперед, чувствуя, что щеки запылали.

Дело не просто в улыбке, хотя уже одно это скверно. Но в ухмылке, в сморгнувших – а может, даже и подмигнувших – глазах было что-то… какое-то кокетство. Он не знает, что он твой дядя, подумала Хэл. Он понятия не имеет, кто ты такая.

Да он просто-напросто не твой дядя, резко огрызнулась совесть.

У нее в голове будто шло сражение. Руками в перчатках Хэл сдавила лоб – шерсть была пропитана холодом дождя. Она прекрасно понимала, что если не совладает с собой, то недотянет даже до поминок; ее изобличат как мошенницу, еще прежде чем она выйдет из церкви.

Узкий гроб медленно пронесли вперед, поместили перед алтарем, и несшие гроб с подобающей торжественностью расселись на передних скамьях, как и шедшие за ними немногочисленные члены семьи. Началась служба.

Глава 10

Час спустя все закончилось – или почти закончилось. Небольшая конгрегация гуськом вышла под сильный дождь, чтобы постоять вокруг могилы. Гроб опустили в сырую землю, и священник возвысил голос, стараясь молитвой перекрыть завывание морского ветра.

Уже сгущались сумерки, стало еще холоднее, и Хэл, несмотря на все свои усилия, дрожала в тонком пальто. И все-таки она была благодарна ветру и дождю. Под погодным покровом все примут выражение ее лица просто за усталость и измученность.

Когда она смаргивала капли, стекающие с волос, глаза были застланы подлинными слезами. Никто не ожидал, что она станет плакать, это она знала, но следующей проверкой были поминки в имении Трепассен, и Хэл понимала, что там ее будут рассматривать под микроскопом. И когда все сгрудились вокруг могилы, она пусть на несколько минут, но с облегчением перестала думать о выражении лица и защитном языке тела. Пока ветер бьет по лицам

скорбящих, она может держать оборону и проклинать исключительно непогоду.

Наконец священник произнес положенные слова, и Хардинг из ведра, стоявшего сбоку от могилы, бросил в нее горсть песчаной земли. Земля упала со шлепком на деревянный гроб, и Хардинг передал ведро брату Абелю, который тоже бросил горсть, покачав при этом головой, хотя Хэл не поняла, что это значило. Ведро пошло по кругу, горсть за горстью. За землей в могилу летели обмякшие от влаги цветы. Последним ведро принял Эзра. Он бросил землю – почти небрежно – и обернулся к Хэл, которая пряталась прямо за его спиной, пытаясь не привлекать к себе внимания.

Он ничего не сказал, просто протянул ей ведро, и Хэл взяла его. И в это мгновение с болью почувствовала: есть что-то глубоко неправильное в том, что она собирается сделать, что-то почти кощунственное в этом символическом жесте погребения женщины, с которой она никак не была связана. Но глаза всех членов семейства устремились на нее, и выбора не осталось. Земля склеилась от дождя, ей пришлось стянуть перчатку и поскрести грязь ногтями. Земля упала на гроб странным финальным аккордом, и Хэл вернула ведро священнику.

– Прах к праху, – заговорил тот, – пепел к пеплу, в твердой надежде на воскресение в жизни вечной…

Хэл суеверно вытерла грязную ладонь о пальто и попыталась не слушать, но не могла отогнать воспоминания о добросердечном викарии, распоряжавшемся церемонией кремации мамы, его бессмысленные слова об утешении, обетованиях, в которые она не могла верить. Земля давила под ногтями, и, почувствовав что-то вроде удара в грудь, она вспомнила ощущение от пепла мамы. Когда она развеивала его, три года назад, он был шершавым на ощупь. В другой декабрьский день, такой же ветреный, как сегодня, хотя и не дождливый, она босиком – ноги заледенели на камнях – спустилась на брайтонский пляж и подошла к самой воде. Зайдя по щиколотку в пенящиеся водоросли, она смотрела, как ветер вытягивает из ладоней пепел и развеивает его над морем.

Сейчас она смотрела в зев холодной, мокрой могилы, и у нее опять стиснуло сердце болью утраты, как будто задели старую, еле затянувшуюся рану. Стоило ли опять погружаться в мрачные траурные обряды и воспоминания ради того, что могло оказаться уродливой лампой или коллекцией почтовых открыток?

Перед вами два пути, правда они извиваются и петляют…

Хэл вдруг поймала себя на том, что впилась ногтями в ладонь, и вспомнила валета Мечей, с поднятым мечом решительно шествующего навстречу бушующему морю.

Все дело в том, что двух путей уже нет. Она выбрала один, перечеркнув тем самым то, что мог предложить другой, будто его и не существовало вовсе. Дороги назад нет, и бессмысленно гадать о последствиях такого решения. Она сделала выбор, потребовавшийся от нее, чтобы выжить, и теперь предстояло протаптывать только одну тропку – все глубже в обман. Она никак не могла позволить себе проиграть.

Наконец священник начал собираться, и участники траурной церемонии, защищаясь от шквального ветра и проливного дождя, подняли воротники и потянулись к машинам.

Сердце у Хэл екнуло от страха. Нужно что-то сказать, и быстро. Нужно попроситься к кому-нибудь в машину, но мысль о том, чтобы свалиться этим совершенно незнакомым людям как снег на голову, вдруг испугала еще больше всего остального. То была не просто боязнь разоблачения. Что-то глубже, словно из детства. К кому же напроситься? И как?

– Я… – начала она, но горло свело и сказалось хрипло: – Я… Может быть…

Однако никто не обернулся. Впереди в окружении трех подростков шел Хардинг, сбоку от него женщина, вероятно, Митци. Хэл вспомнила «Фейсбук» и узнала Ричарда, который, плетясь за отцом к парковке, уже проверял мобильник. Абель и Эзра шли позади, погрузившись в беседу. Они попали в поле зрения Хэл как раз в тот момент, когда Абель приобнял брата будто в утешение, но тот несколько раздраженно отпрянул. Остальные тоже разбрелись по машинам, припаркованным под раскидистыми тисовыми деревьями. Над Хэл нависла реальная опасность, что она останется на пустынном кладбище одна. Горло захлестнуло волной паники.

– Простите, – опять прохрипела она уже несколько громче и опять, второй раз за день, почувствовав на плече чью-то руку, резко обернулась.

Мистер Тресвик протягивал ей зонтик.

– Хэрриет, могу я предложить подбросить вас до Трепассена?

– Да. О да. О, большое спасибо, я просто не знала… – Получилось не слишком связно, слова мешались во рту.

– Боюсь, машины от агентства заполнены, все места в официальном кортеже заняты, но если вы не откажетесь от моей машины…

– Н-нет, конечно, нет. – Зубы у Хэл стучали от холода, и она попыталась взять себя в руки, чтобы благодарность не вышла преувеличенной. – Благодарю вас, мистер Тресвик, вы очень любезны.

– Ерунда. Вот, держите мой зонтик – только осторожнее, иначе он вывернется наизнанку. Боюсь, морские штормы несколько непредсказуемы. Я возьму ваш чемодан.

– О, что вы, – запротестовала Хэл, – п-пожалуйста.

Но было уже поздно. Зонтик очутился у нее в руке, а маленький человек, ловко подхватив чемодан с гравийной дорожки, куда она его поставила, двинулся под дождем к машине, припаркованной на обочине, где ее высадил таксист.

Заведя «вольво», мистер Тресвик включил печку на полную мощность, и машина, разбрызгивая лужи, выехала на проселочную дорогу. На кладбище Хэл казалось, что она уже никогда не сможет согреться, холод пронизал ее будто до самых костей. Теперь, когда в теплом воздухе, что дул из вентиляторов, пальцы начали оттаивать, их заломило от боли, однако стылость глубоко внутри казалась вечной мерзлотой.

– До Трепассена около четырех миль, – поддерживая разговор, сказал Тресвик, когда они медленно вырулили на главную дорогу. По лобовому стеклу бешено метались дворники. На каждом перекрестке водитель тормозил, сквозь мглу всматриваясь в дорогу и тщетно стараясь разглядеть машины сбоку. Затем, держа в руках две жизни, он нажимал на газ, машина переезжала перепутье и

набирала скорость. – Надеюсь, стараниями миссис Уоррен нас ждет чай. Вы останетесь на ночь?

– Я… – Хэл почувствовала себя виноватой. Она не написала экономке – времени не было. Кроме того, она понятия не имела, что будет делать, если приглашение заночевать в имении в силу обстоятельств окажется недействительным. – Да, я бы с удовольствием, но, боюсь, я не написала миссис Уоррен, что приеду. Ваше письмо пришло всего два дня назад… Я думала, ответ все равно не поспеет…

– О, простите, – извинился мистер Тресвик, – мне следовало указать номер моего мобильного. Но это не столь существенно. Миссис Уоррен, конечно, откроет для вас комнату, я уверен. Должен вас предупредить… – Адвокат с сомнением покосился на мокрое пальто. – В Трепассене нет центрального отопления. Боюсь, миссис Вестуэй так и не собралась его провести. Но зато там множество каминов, грелок и прочего. Вы будете… – Он замялся. – Ну, в общем, вам будет там очень, очень удобно.

– Благодарю вас, – кротко ответила Хэл, хотя что-то в его голосе заставило ее усомниться в правдивости его слов.

– Должен признаться, – Тресвик переключил сцепление, так как они поднимались на холм, – я с некоторым удивлением узнал, что у Мод есть дочь.

Мод. Вот, значит, как зовут недостающую дочь. М. Вестуэй, как и мама. Может, ошибка отсюда? Хэл испытала невероятное облегчение, что взяла сокращенный вариант метрики, но следом за облегчением вспыхнула смутная тревога. Значит, Тресвик с удивлением узнал о существовании у Мод дочери. И что это означает? То, что она не знает чего-то такого, что должна бы знать. Спросить? Но ведь незнание ее выдаст?

– Я… Что вы имеете в виду? – спросила она наконец.

– О, – усмехнулся мистер Тресвик. – В детстве она была весьма решительной особой. Клялась, что никогда не выйдет замуж и не заведет детей. Помню, как-то я сказал – ей было лет двенадцать, – что, мол, когда она подрастет, то может и передумать. А Мод в ответ рассмеялась и назвала меня старым ослом. Она была довольно прямолинейной девочкой, ваша матушка. Заявила, что дети – висячий замок на патриархальных оковах брака. Именно так и выразилась, я

очень хорошо помню. Я тогда еще подумал, какой необычный оборот, особенно для ребенка. Поэтому несколько опешил, когда узнал, что она в самом деле родила ребенка. И в довольно юном возрасте, как я понимаю?

– В восемнадцать… Ей было восемнадцать, – еле слышно ответила Хэл, – когда я появилась на свет.

Восемнадцать. Когда она была маленькой, ей казалось, это вполне нормальный возраст – по крайней мере, человек уже взрослый. Теперь, когда ей самой шел двадцать второй год, она не могла себе представить, через что прошла мама, какую борьбу ей пришлось выдержать, чтобы в таком юном возрасте родить ребенка и потом одной его воспитывать.

Но едва произнеся эти слова, Хэл поняла свой прокол. Волна холодного бешенства прокатилась вниз по спине от того, что она сморозила. Черт. Черт! Какая глупая, дилетантская ошибка.

Первое правило гадалок и экстрасенсов: говорить как можно туманнее, ничего конкретного, если только потом нельзя пойти на попятную или перевернуть смысл сказанного – в случае грубой ошибки. Я слышу мужское имя… Кажется, там есть буква «ф». И никогда: Я вижу вашего брата Фреда. Если есть острая необходимость сказать что-то конкретное, выбирай статистически более вероятное. Я вижу синюю машину… Только не зеленую.

А она, не сказав и десяти слов, только что совершила две грубейшие ошибки. Выдала и конкретную информацию – вовсе не необходимую, – и статистически наименее вероятную. Сколько женщин рожают в восемнадцать лет? Два процента? Хэл понятия не имела. Да и вообще, она слишком мало знает о жизни Мод Вестуэй, чтобы подобным образом тыкать пальцем в небо. А что, если этой женщине сейчас под пятьдесят? А что, если в восемнадцать лет она еще жила в родительском доме? Ее бдительность усыпили вероломные слова Тресвика насчет юного возраста – толика информации, которая вроде бы накладывалась на жизнь Хэл. Но возраст возрасту рознь. Сегодня и двадцатипятилетняя женщина считается юной матерью. Она просто-напросто накосячила – и очень скверно. Значит, не такой уж она и крутой профессионал, пристыдила себя Хэл.

Она нервно покосилась, не хмурится ли Тресвик, складывая в уме числа. Но, похоже, он ничего не заметил. Даже как будто и не слышал ее. Мысли его

витали в другом месте.

– Патриархальные оковы брака, – усмехнувшись, повторил он. – При этих словах я всегда вспоминаю вашу мать. Хотя, конечно… – Он метнул на Хэл взгляд бойких, как у птички-малиновки, глаз. – Она ведь так и не вышла замуж, насколько я понимаю?

– Н-нет, – ответила Хэл.

Несмотря на холод, который пробирал ее до костей, лицо, опаленное струей воздуха из печки, пылало. Какая идиотка. Теперь она вообще никому ничего не скажет – просто будет кивать на то, что услышит.

Хотя, может быть… Машина свернула, и колеса зашуршали по мокрому покрытию, а Хэл прижалась щекой к холодному стеклу, пытаясь думать. Может, не такая уж она и идиотка, что выдала возраст мамы. Вполне возможно – даже вероятно, – что на чем-нибудь ее все равно поймают. Может, лучше сейчас добровольно сообщить правдивую информацию. Тогда, если ее уличат, она сможет сделать вид, что все это не продуманный мошеннический трюк, а благополучно разрешившееся недоразумение. А вот если бы она начала лгать сейчас, потом выхода не будет. Во всяком случае, без обвинения в мошенничестве.

Мод Вестуэй. Если бы только она знала это имя раньше, то поискала бы в Интернете, нашла бы что-нибудь о женщине, которая, по предположениям местных обитателей, является ее матерью. Как хоть она выглядит? Сколько ей лет? И что с ней случилось?

Но в присутствии мистера Тресвика она не могла достать телефон и начать поиски. Хотя мысль вооружиться хоть какими-то базисными фактами, прежде чем предстать перед мнимыми дядьями, была соблазнительна. Она не может позволить себе еще раз оступиться. Удастся ли уединиться, когда они доберутся до имения? Может, сказать, что ей нужно переодеться в сухое?..

Оставшуюся часть пути Хэл молчала. Тресвик тоже, хотя и бросал на Хэл странные взгляды, пока «вольво» проворно преодолевала длинные сельские мили. Только когда машина начала сбавлять скорость, Хэл встряхнулась, и Тресвик громко сказал, пытаясь перекрыть скрип дворников:

– Ну, вот мы и на месте. – Он кивнул налево, где мерцающий свет золотил дождевые капли. – Имение Трепассен. О, ворота открыты. Отлично. Должен сказать, мне не улыбается мысль в такую погоду сражаться с засовами.

Они медленно проехали в огромные кованые ворота и запетляли по подъездной аллее.

Далеко впереди Хэл увидела длинное низкое здание и внезапно осознала, что оно ей знакомо. Изображение высветилось у нее в голове – высокие окна, пологий газон… Ну да, вот и газон, прямо у нее под носом, как будто фокус.

Хэл опешила и какое-то время недоумевала, а потом, с некоторой печалью, поняла. Конечно, открытка, которую она нашла в Интернете. Мы чудно пили чай в имении Трепассен. Снимок был сделан не отсюда, а с газона, и то, что она не сразу узнала это место, объяснялось сдвигом перспективы. Она заметила, какие изменения произвело время: плющ и виноград, на открытке служившие умеренным симпатичным декором, теперь буйно разрослись по всей стене и, казалось, душили эркерные окна и колонны, поддерживавшие портик. Штукатурка уже не поражала девственной белизной, как на открытке, а потрескалась и кое-где отслоилась. Газон не пострижен, над нежной травой возвышались сорняки.

Надеждам Хэл, равно как и праведному негодованию, охватившему ее в поезде, был нанесен удар. А где же пони, приметы заграничных поездок, дорогущие машины? Если тут и были деньги, то их очень долго никто не тратил.

Они въехали в рощицу тисовых деревьев, и под густым навесом ветвей дождь моментально прекратился. Вдруг с одного дерева стремительно спикировало что-то черно-белое, мистер Тресвик рефлекторно крутанул руль, и машина колесами проскрежетала по гранитному валуну из тех, что обрамляли аллею.

– Проклятие! – сердито воскликнул он, снова выруливая на гравийное покрытие.

Последние несколько ярдов до дома адвокат проехал совсем медленно. Когда машина вынырнула из-под деревьев, дождь возобновился.

– Что это было? – спросила Хэл, обернувшись. – Чайка?

– Нет, сорока. Бич дома, настоящий бич. Они могут быть на диво агрессивны. – Тресвик проехал сводчатую арку и затормозил на покрытой гравием площадке для машин, расположенной справа от главного фасада. Затем выключил мотор и вытер трясущиеся руки о брюки. – Понимаете, считается, что они и дали имя поместью. Piasenn по-корнски будет сорока, а tre значит ферма, или усадьба. Получается, что Трепассен – это искаженное Tre Piasenn, «сорочья ферма». Понятия не имею, правда это или нет, но название подходит. По другой версии, название происходит от корнского слова, обозначающего «прошедшее», passyen. Сам я ничего не могу утверждать. Боюсь, я не специалист по корнскому языку. – Тресвик пригладил волосы и отстегнул ремень, впервые за время их общения заметно смутившись. – Я… Я не большой любитель птиц, у меня своего рода фобия. Хотелось бы преодолеть, но не получается. А здешние сороки… – Он рефлекторно содрогнулся. – Ну, в общем, как я уже сказал, их довольно много, и они вовсе не страдают робостью. Но зато… – Тресвик потянулся за зонтиком и улыбнулся слабой, совсем не веселой улыбкой. – Зато в этом доме нечего опасаться горестей.

– Горестей? – не поняла Хэл.

– Ну да, вы разве не знаете стишок?

Прилетела к нам сорока.

Значит, будем танцевать.

Две сороки прилетели —

Будем горе горевать…

И так далее. Хотя танцы тоже маловероятны. Я ни разу не видел тут меньше пяти-шести сорок.

– Да… – медленно проговорила Хэл. – Да, я знаю этот стишок. – Вспоминая, она засунула руку под пальто и дотронулась до плеча, затем безвольно уронила руку. – По крайней мере, первые четыре строки. А сколько их там всего? Шесть?

– Вроде десять. – Мистер Тресвик сосредоточился. – Погодите-ка…

Прилетела к нам сорока.

Значит, будем танцевать.

Две сороки прилетели —

Будем горе горевать.

Если три, родится мальчик.

А четыре – будет дочь.

Пять сорок – уснешь голодным.

Шесть…

Как там дальше?.. По-моему, шесть – получишь грош. Да, точно, шесть – получишь медный грош.

Получишь медный грош, закусив губу, повторила про себя Хэл. Будь она суеверной, можно было бы считать это предзнаменованием. Но от суеверий Хэл отстояла далеко. Несколько лет работы с картами таро не привили ей никакой веры, скорее наоборот. Многие ее коллеги верили, она встречала таких. Но Хэл считала, что знаки и символы придумали люди, ищущие непонятные слова и ответы, а сами по себе они не означают ничего.

Теперь, когда Тресвик показал рукой, она увидела сорок, прячущихся в тисовых деревьях. Правда, две прыгали по земле и клевали ягоды, но четыре сидели на ветвях. А последняя, та самая, которая торпедировала машину, уселась под дождем на перекрытии портика, злобно глядя на них вниз.

– А если семь? – шутливо спросила Хэл. – Тогда больше грошиков?

– Нет, – рассмеялся Тресвик. – К сожалению, нет. – Он вылез из машины и торопливо обошел ее кругом, раскрыв зонт. Из-за дождя, который стучал по ткани, Хэл с трудом разбирала его слова. – Семь как раз в конце: «Ну а семь – узнаешь тайну».

Хэл вытащила из багажника чемодан, спряталась под зонтик мистера Тресвика и пошла рядом с ним ко входу в дом. Может быть, все дело было в дожде или

завывавшем ветре, но она почему-то содрогнулась.

4 декабря 1994 года

Утром мне опять стало плохо, в ночной рубашке я скатилась по крутой лестнице и по длинному коридору помчалась в туалет. Рухнула коленями на холодную плитку, и меня стошнило последними остатками вчерашнего ужина.

Потом я почистила зубы и подышала в руку – убедиться, что дыхание не имеет предательского кислотного привкуса. Открыв дверь в коридор, я увидела Мод. Она стояла, скрестив руки, прикрывшие принт рок-группы «Смитс» на старой драной футболке, в которой кузина спала вместо пижамы.

Она ничего не сказала, но что-то в выражении ее лица мне не понравилось. Она смотрела на меня, и в ее взгляде были озабоченность и что-то еще, точно не знаю. Может… жалость? Эта мысль меня разозлила.

Мод прислонилась к стене, преградив мне дорогу, и не двинулась, даже когда я вышла из ванной и закрыла за собой дверь.

– Прости. – Я откинула волосы с лица, пытаясь говорить непринужденно. – Долго ждала?

– Прилично, – без экивоков ответила она. – Ты в порядке?

– Конечно. – Я двинулась прямо на нее, заставив вжаться в стену, и бросила через плечо, проходя мимо: – Почему я должна быть не в порядке?

Она только пожала плечами, но я поняла, что она имела в виду. Прекрасно поняла. Помню выражение ее лица, пристальный взгляд черных глаз. Сейчас сижу у себя на кровати, в заснеженном саду низко летают сороки, я пишу дневник на коленях и все думаю: насколько я могу ей доверять?

Глава 11

Через боковой вход Тресвик провел Хэл в сводчатую прихожую, пол которой был выложен красной керамической плиткой. Она зашла следом и, когда шелест дождя сменился отдельными каплями, стекающими с ее пальто и зонтика мистера Тресвика, потрясла головой.

– Миссис Уоррен? – позвал Тресвик, и голос эхом отдался в длинном коридоре. – Мис-сис-Уор-рен! Это Тресвик.

Какое-то время стояла тишина, а потом вдалеке послышался топот каблуков по кафельной плитке, сопровождаемый непонятным звяком. Повернув голову, сквозь стеклянные двери слева Хэл увидела пожилую женщину, одетую в черное. Она не столько шла, сколько ковыляла по коридору.

– Это миссис Уоррен? – не придумав ничего лучше, шепотом спросила Хэл у Тресвика. – Да она, кажется…

– Ей никак не меньше восьмидесяти, – тихо ответил тот. – Но она и слышать не хотела о том, чтобы уйти с работы, пока была жива ваша бабушка.

– Это ты, Бобби? – В словах, произнесенных надтреснутым вороньим голосом, слышался выраженный корнский акцент.

Тресвик вздрогнул, и, несмотря на напряжение, Хэл с трудом сдержала улыбку, заметив, как под седой бородой вспыхнул румянец.

– Это Роберт Тресвик, миссис Уоррен! – крикнул он в коридор, но та покачала головой.

– Говори громче, мой мальчик, я тебя не слышу. Все вы, молодые, одинаковы. Бормочете, бормочете… Из-за этих хлопот с вашим приездом я даже не смогла проводить хозяйку. Вы во всем и виноваты.

Тресвик поджал губы.

Когда экономка подошла ближе, Хэл заметила у нее в руке палку. Железный наконечник стучал о плитку с тем самым звяканьем, которое ее удивило. Ходила экономка странно, неритмично: топ-топ… звяк… топ-топ… топ… звяк. В конце концов она подошла к стеклянным дверям и остановилась, пытаясь справиться с палкой.

Тресвик подскочил и открыл ей дверь, хотя Хэл показалось, что это совершенно излишне. Экономка, прихрамывая, вышла в вестибюль.

– Так. – Проигнорировав Тресвика, она остановила взгляд удивительно темных, живых глаз на Хэл. Та не поняла значения этого взгляда, но теплым он точно не был. Куда там. Экономка будто напряженно раздумывала. И в голосе не было улыбки, когда она сказала: – Значит, вы та самая девушка. Ну что ж.

– Я… – Хэл сглотнула. В горле у нее пересохло, как будто его обсыпали пылью, и она вдруг поймала себя на том, что заняла оборонительную позицию: скрестила руки и стряхнула волосы на лицо, чтобы скрыть его. Поставь себя на место клиента, услышала она голос мамы. Представь, что он хочет увидеть, когда заходит к тебе. И Хэл пожалела, что не сняла свою крупную серьгу, однако сейчас уже ничего не поделаешь. Она выдавила улыбку, по возможности пытаясь предстать открытой, безобидной девушкой. – Да, это я.

И протянула руку, но старуха отвернулась, будто не заметив, и Хэл осталось только опустить руку.

– Мне не сообщили, что вы приедете, – бросила через плечо миссис Уоррен, – но на всякий случай я проветрила комнату. Вы, конечно, захотите переодеться.

Это был приказ, не вопрос, и Хэл вяло кивнула.

– Следуйте за мной, – сказала миссис Уоррен, и Хэл, поймав взгляд Тресвика, в немом вопросе подняла бровь.

Он сдержанно улыбнулся и махнул рукой в сторону лестницы. Миссис Уоррен, не дожидаясь Хэл и цепляясь подагрическими пальцами за перила, уже тяжело поднималась по длинному лестничному маршу.

– Это на чердаке, – сказала она, обернувшись вполоборота на Хэл, поспешающую за ней с чемоданом, который бился о каждую ступеньку.

Ковровая дорожка была закреплена латунными ковродержателями, но из-за невероятного количества пыли их трудно было рассмотреть, как и узор самой дорожки.

– Конечно, – запыхавшись, проговорила Хэл, когда они дошли до лестничной площадки и миссис Уоррен нацелилась на следующий марш, ступени которого имели более практичное покрытие. Хэл чувствовала под ногами жесткость и даже бугорки. – Никаких проблем.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Церковь в Лондоне. Считается, что человек, родившийся в пределах слышимости ее колоколов, – истинный кокни. – Здесь и далее примеч. ред.

Купить: https://tellnovel.com/rut-ueyr/smert-missis-vestuey

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити